

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Николай ИНОДИН

Задница Василиска

Дорогу, как известно, осилит идущий.

Николай Михайлович Инодин
Задница Василиска
Серия «Современный
фантастический боевик (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43115351

*Задница Василиска:
ISBN 978-5-17-116604-5*

Аннотация

Всё потеряно, кроме чести. Проиграна гражданская война, предали союзники. Что осталось? Потрёпанная эскадра на орбите потерянной планеты и остатки армии. Тень былого имперского могущества. Смириться с поражением и раствориться в мирах цивилизованных наций, наплевав на ту самую честь? Или героически погибнуть, бросившись в последнюю, заведомо безнадёжную битву? Прошедшие все круги ада, выжившие в сотнях боёв, последние бойцы империи не могут ни предать, ни выбрать косящую под героизм трусость самоубийцы. Они начинают сначала. На осколках миров, на задворках галактики.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	39
Глава 3	52
Глава 4	88
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Николай Инодин

Задница Василиска

*Если вы решили, что наступила полная задница,
вы ошибаетесь. Когда она придёт, решать будете
не вы.*

© Николай Инодин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Отправляться в путь под дождём – добрая примета, но в мокрой толпе улетающих нет радостных лиц. Совсем. Обречённо втягивается она по ребристым языкам аппарелей в распахнутые створки грузовых люков орбитальных челноков, истрёпанных до потери товарного вида. Кажется, огромные инопланетные монстры, с комфортом расположившись на оплавленном покрытии космодрома, пожирают сотни, тысячи загипнотизированных ими людей. Серая человеческая масса неторопливо, но безостановочно движется вперёд. Даже дети здесь угрюмы, молчаливы и малоподвижны. Что ещё бросается в глаза – малое количество багажа, несмотря на то что большинство пассажиров явно отбывают семьями. Одна-две роботизированные тележки на несколько человек, причём не самые большие.

Исключения есть. Вот прямо к трапу упавшего сквозь низкие облака белого капитанского катера, цокая каблуками модных туфель, бежит от элегантно лимузина хорошо одетая дама весьма аппетитных очертаний. За дамой торопятся, как в древней басне, диван, чемодан, саквояж, корзина, картина, картонка... Только домашнего питомца у женщины нет. На другом краю поля из длинного мобиля слуги перебрасывают к трапу не столь изысканного, но более крупного катера, стянутые силовыми ремнями кофры, основательные

и капитальные, как внутрисистемные каботажники. На работников покрикивает важный господин в богатом костюме. Порыв ветра, поднятый близким взлётом очередного челнока, срывает с барина шляпу, и дождевые капли начинают колотить по его обширной лысине. Толстяк порывается ловить головной убор, затем машет рукой и, сутулясь, семенит к трапу, держась за кормой последнего кофра.

Исключения лишь подчёркивают очевидную безликость и потёртость основной массы уезжающих. Их вид и поведение кричат о большом опыте подобных погрузок. За последние годы эти люди стали профессионалами эвакуаций, даже внешне подстраиваясь под тесноту и однообразие корабельных помещений.

Вот только сегодняшняя эвакуация не просто очередная. Она последняя. С серой поверхности космопортов северного материка окраинной планеты ещё вчера могучей империи эвакуируются последние её граждане. Уходят люди, отказавшиеся признавать выписанный врагами диагноз окончательным. Осмелившиеся оспорить его с оружием в руках. Их семьи, друзья и единомышленники. Прежде хватало и шлага – тех, из-за кого и случилась в державе политическая катастрофа, но шлаг, как и дерьмо, обладает высокой плавучестью. Эти отходы имперской жизнедеятельности в большинстве своём давно осели на планетах так называемых союзников и теперь старательно поливают Родину грязью в многочисленных выступлениях и интервью.

Исход защитников планета оплакивает, не жалея дождевой влаги.

Наполнившись, челноки стартуют, почти сразу скрываясь в серой непроглядности туч, на их место опускаются новые, и ползут, ползут по мокрому бетону кажущиеся бесконечными серые змеи, составленные из человеческих тел.

К вечеру эвакуация гражданских завершилась. К трапам шаттлов небольшими, хорошо организованными группами начали прибывать военные грузовозы – измятые, с многочисленными пробоинами в бортах.

Из кузовов сыплются бойцы, на которых невозможно найти два одинаковых комплекта экипировки. Очевидно, что о регулярном централизованном обеспечении эта армия забыла уже давно. Повреждённое и разбитое снаряжение воин восстанавливает, снимая и подгоняя трофеи, не брезгуя частями комплектов убитых товарищей.

Грузовики скрываются в шаттлах, бойцы спешно занимают оборону на подступах к лётному полю. Быстро, уверенно, без суеты. Сказывается многолетний боевой опыт. Каждый такой ветеран в бою справится с десятком противников, вот только в последние годы противник имел стократное превосходство в силах.

Грохот канонады постоянно приближается. В сумерках на краю лётного поля занимает позиции артиллерия – немногочисленные лаунчеры, разрядники и баллистические метатели. Какое-то время вся эта машинерия лупит за горизонт с

максимальной скорострельностью, опорожняя кассеты, конвейеры и бункеры боекомплекта. Перезаряжается и вновь лупит на расплав стволов, прогар пусковых и износ соленоидов, после чего расчёты, не теряя ни секунды, сворачивают комплексы в походное положение и в небо взмывает очередной табун орбитальных челноков.

Там, куда вёлся огонь, ещё долго пылает зарево пожаров и объёмных взрывов. Очевидно, артиллеристы не только ставили огневой заслон, отход последних защитников обеспечили массированным дистанционным минированием территории.

Уже в темноте к последней партии шаттлов вышли немногочисленные шагающие танки и боевые транспортёры. Следом за бронёй к аппаратам метнулись тени бойцов, державших периметр. После них на космодроме остался только дождь. Дождь и мёртвые, выпотрошенные коробки портовых сооружений.

Остатки имперского флота на околулунной орбите. Жалкое зрелище, по мнению офицеров, собравшихся в рубке единственного линейного корабля. Полторы сотни вымпелов... смешно. Это именно остатки – большей частью устаревшая рухлядь. Посуда, ещё способная на межзвёздный перелёт, но... боевую ценность представляют лишь флагман и четвёрка эсминцев более или менее недавней постройки. Остальные пугают скорее названиями, чем реальной огне-

вой мощью. Ничего, для перевозки людей эта самая мощь не нужна, несколько прыжков старьё ещё выдержит. Впрочем, у врага нет и того. Если бы не предательство... Адмирал бес- сильно сжимает кулаки.

Трёхмерное изображение тактического экрана отражает приближение очередной волны орбитальных челноков. Последние защитники Алькарны через час втиснутся в переполненные трюмы его кораблей. Всё. Империи больше нет. Есть горстка изгнанников, плохо представляющих, что делать им, проигравшим пятилетнюю гражданскую войну.

– Прошу высказываться, господа. Вы первый, Оскар Олегович.

Молодой лейтенант, ещё месяц назад носивший мичманские нашивки, нервничает и волнуется.

– Зелёные не могут держать на планете такую массу войск постоянно, господа. Рано или поздно большая часть будет вывезена на планеты центрального сектора. Полагаю необходимым изобразить окончательную эвакуацию, дожидаться ослабления противника и внезапным ударом освободить планету.

Лейтенант замолкает, на экране конференции его сменяет другой командир.

– Я поддерживаю мнение командира «Альбатроса», господин контр-адмирал.

Командующий сидит, ничем не выдавая отношения к сказанному.

– Я полагаю, что эскадра в первую очередь должна доставить гражданских лиц на ближайшую планету союзников, избавиться от большей части небоевых судов, восстановить боеспособность и после этого предпринять контратаку.

Мнения капитанов, различаясь в деталях, совпадают в одном. Все они собираются продолжать войну, даже если это будут пиратские рейды на коммуникации зелёных.

«Мальчишки. Некоторые поседели на мостиках боевых кораблей, но так и остались мальчишками. Впрочем, неудивительно. Шесть лет войны галактической, затем ещё пять гражданской мясорубки. Они просто не представляют, что война может быть окончена».

– Господа, я выслушал ваши мнения. Моё решение многим из вас может показаться трусливым и ошибочным, но пока флот находится под моим командованием, мы будем следовать именно ему.

Речь даётся адмиралу нелегко, на изувеченном рубцами от обширных ожогов лице появляются капли пота.

– Гражданская война проиграна. Обстоятельства оказались сильнее нас, господа. Как и почему это произошло, пусть разбираются историки. Если в безнадёжных боях погибнут остатки тех, кто остался верен Империи, в будущем изменить ситуацию станет просто некому. Поэтому сейчас главной своей задачей я полагаю сберечь людей и обеспечить им возможность сохранить и укрепить идеи и традиции, в своё время позволившие создать величайшую космическую

державу в этом секторе космоса. И тогда у нас появится возможность реванша. Слушайте боевой приказ, господа... По окончании эвакуации орбитальные транспортные средства, способные выдержать межзвёздный перелёт, закрепить на поверхности кораблей. Исключение – «Генерал Алексеев», «Алмаз», «Беспокойный», «Капитан Сайкин», «Дерзкий» и «Гневный». Эти корабли обеспечивают охрану конвоя. Признанные негодными челноки уничтожить...

Через три часа после объявления приказа эскадра трёхцветных начала сход с орбиты и перестроение для межзвёздного прыжка. Через сутки она покинула звёздную систему Алькарны.

Через несколько часов после выхода флота на струну, в командирском салоне флагмана начальник штаба обратился к разглядывающему трёхмерную карту галактического рукава командующему:

– Михаил Александрович, мне будет проще готовить закупки обеспечения, если я буду знать, куда вы планируете вести флот после стоянки на Бисурате.

– Вот сюда, Александр Иванович, – стилос командующего подсветил один из участков карты.

– Но ведь это... Задница Василиска!

– Так точно, Александр Иванович, она самая. Мы и без того, простите за выражение, оказались в жопе. Так пусть это будет жопа в квадрате. По крайней мере, там нас зелёным не

достать. Да и не до нас им будет в ближайшие годы, смею вас заверить.

– Может быть, лучше договориться с теми же французами или бриттами, да и расположиться где-нибудь в их колониях?

Адмирал резко повернулся к своему начальнику штаба, указывая на один из боковых экранов:

– Думаете, после того, что *они* сделали здесь, у кого-то на этой эскадре осталась хоть капля доверия к этим тварям?

На экране появляется запись, до сих пор приводящая комфлота в бешенство. Окружённая сворой эсминцев в построении «сфера» плывёт над Алькарной эскадра линейных кораблей вчерашних союзников. Та самая, что под предлогом «вооружённого нейтралитета» прикрыла от кораблей Кедрова высаживающие десант транспорты зелёных. Двуличные твари.

– Нам хотя бы несколько лет передышки... Ненавижу.

Глава 1

Из позиции «лёжа»

*Задница Василиска (группа звёздных систем на границе восьмого-б сектора Млечного Пути)
Это статья из Галапедии – свободной энциклопедии.
Уровень достоверности не установлен.*

Задница Василиска (*интерлингв.* Basiliskus Ass) – группа звёздных систем в газо-пылевом скоплении, расположенном в секторе 8-б Млечного Пути (пустынный сектор на стыке юго-восточных и юго-западных дубль-секторов галактики).

Географическое положение

Представляет собой группу из трёх относительно близко-расположенных звёздных систем, расположенных в плотной газо-пылевой туманности в стороне от ближайших звёздных скоплений. Включает в себя системы звёзд Альфа, Дельта и Зета Василиска. Ближе всего находится к британскому сектору, но прямой перелёт от основных освоенных систем затруднён крайне сложной навигационной обстановкой. Перелёт из кластера содружества испаноязычных систем проще, но значительно длиннее, обратный перелёт без дозаправки невозможен.

Подробную информацию о звёздных системах см. в соответствующих статьях.

Экономическая и политическая информация

В силу своего отдалённого расположения перечисленные системы практически не изучены, картографирование произведено автоматическими зондами. Пригодные к колонизациям планеты: Альфа Василиска – 2 (класс 1б), Дельта Василиска – 3 (класс 1в), Зета Василиска – 3 (класс 2б) и Зета Василиска – 5 (класс 3а).

Постоянное население отсутствует.

Дистанционное сканирование залежей высокоценного минерального либо биологического сырья не обнаружило.

Системы расположены вдалеке от торговых и пассажирских путей. Министерством колоний Британской империи колонизация признана нецелесообразной.

Секторы Галактики – условное деление галактики на секторы было проведено в период первоначальной космической экспансии человечества под эгидой Лиги Наций. Во избежание военных конфликтов Млечный Путь был разбит на участки, каждый из которых был закреплён за одной из желающих принять участие в освоении галактики стран. Угловые размеры участка имеют прямую зависимость от численности населения конкретной страны с учётом нескольких модификаторов (военная и промышленная мощь, плотность

населения и т. д.). Участки, выделенные странам, чаще всего расположены по соседству с участками их соседей по планете (исключение – страны Балканского полуострова, Израиль, Судан и Эфиопия). Для удобства навигации впоследствии галактика была разделена на секторы, примерно равные по объёму. По традиции, секторы стали делить на западные, центральные, северные и восточные, в зависимости от того, какие страны колонизировали тот или иной участок.

* * *

Проклятый пионерный дрон очередной раз заскулил, вхолостую молотя буровой головкой в скальную породу, напоследок вмазал Аркадию по ушам визгом на особо высоких тонах и издох. Скотина. Теперь придётся экстрактором вытаскивать из канала капризного уroda, ковыряться в его электронных потрохах, изыскивая причину слишком быстрого разряда батарей. Комплекс в это время будет стоять, увеличивая отставание от планового задания. Штрафное время на «Орле» привычно вычтут из тренировочного, соответственно увеличив часы на изучение матчасти. И совершенно зря, потому как устройство Г-девятого старший гардемарин Лобачевский и без того знает на двенадцать с плюсом.

Пилотный канал, прогрызенный в скале дроном, оказался совсем коротким, зонд эвакуатора не ушёл в него и до по-

ловины. Сдохший пионер был извлечён за десяток секунд – рутинная, насквозь привычная операция. Причиной стремительной разрядки батареей оказался не технический сбой, а встретившееся на пути гнездо крупнокристаллического корунда. Изношенный механизм тупо не справился с препятствием.

Аркадий бережно уложил тушку дрона в захваты зарядного гнезда, поднялся в пилотское кресло проходческого комплекса, пробежал пальцами по сенс-панели и взялся за джойстики управления комплексом. Гнездо крупных рубинов – редкая и очень удачная находка. Что оружейники, что энергетики с руками оторвут. Блоки плазменных горелок завертелись, принимая рабочее положение, и гардемарин толчком педали послал комплекс вперёд. Если на вашей улице опрокинулся грузовик с пивом, не время думать о причинах, пользоваться надо.

– Что нам базальт, что нам гранит? Плевать, что роторка фонит! – донёсся сквозь грохот двинувшегося вперёд агрегата звонкий юношеский голос. – Эх, так твою мать, работáть и работáть! – В такт гудению перегретой плазмы пелось в охотку. Жизнь-то налаживается!

Пройдя заданное расстояние, комплекс остановился и начал активно расширять канал, обходя ценное кристаллическое гнездо. Когда глыба с обнаруженным ресурсом нависла над освобождённым от камня пространством, Аркадий отвёл комплекс назад и вывалился из кабины. Тщательно

осмотрел камень, с разных ракурсов аукнул породу портативным вибролокатором, определяя точное положение находки.

– Мы тебя по старинке, вручную! – заявил гардемарин, вытаскивая из креплений штурмовой вибротесак. Мессер старенький, с магнитной накачкой абразивной струны, зато надёжный, как лом, и совсем не прожорлив. Таким хоть брейся, хоть банки пустотного пайка потроши – режет чисто и без напряжения. При бритье, конечно, сноровка нужна, но с опытом, говорят, приходит. Если выживешь.

Гранит им пластается без усилий. Аккуратными плитками валится под ноги. На идеально ровном, оплавленном полу штольни громоздится красно-розовая куча, мешая передвигаться. Увлечённый гардемарин не замечает, как в обрабатываемом массиве что-то начинает потрескивать. Азартно пластая камень, Лобачевский продолжает напевать «Песенку штрафника Васи». Сей пропитанный матерщиной гимн в Морском корпусе знает каждый. Наказание за что угодно для гардемаринов одно – наряд на работы. Так сказать, в рубку истребителя – через кабину копателя. Треск в камне сменился низкочастотным гудением, и в тот момент, когда довольный Аркадий с воплем «Без работы, без труда зарастёт совсем...», нанёс последний удар. Из рванувшейся в стороны трещины вырвался странный, пульсирующий свет. Аркадий попытался заслонить лицо левой рукой, но не смог поднять налившуюся даже не свинцом – ураном конечность. Те-

ря сознание, парень на голых рефлексах деактивировал тесак. Падая на спину, он всё-таки прошептал:

– Не жалея юных сил, всё равно пробьюсь туда...

Выступ скалы, рассыпаясь на фрагменты, тяжело рухнул вниз, до середины бедер засыпав ноги гардемарина, но Аркадий этого не почувствовал.

* * *

Напряжение в аудитории нарастает с каждой секундой. Стриженные головы гардемарин поворачиваются за вышагивающим вдоль кафедры преподавателем, как подсолнухи за солнцем. Скрип позвонков не слышен, но явственно ощущим. Кажется, вот-вот вывалятся языки, и по испятанной наскальной живописью поколений поверхности аудиторных столов застучат капли слюны.

«Цок-цок», – в такт сердцебиению гардемарин выбивают по бронекерамике пола каблучки лакированных преподавательских туфелек. Гипнотизирует мальчишек движение волшебной длинных ножек, открытых форменной юбкой выше колен. А ведь сзади есть ещё и разрез! Дыхания учеников не слышно уже опасно долго. Форменный китель преподавателя застёгнут на все пуговицы, но разве такой бюст кителем скроешь? Стройная шея, очаровательное лицо, умело тронутое косметикой, уложенные в аккуратную, продуманную до локона и вроде бы даже строгую причёску, золоти-

стые волосы.

– Ну-с, господа гардемарины, как уже объявил господин капитан первого ранга, я буду читать на вашем курсе теорию пространственных и подпространственных переходов. Не думаю, что кто-то из вас в самом деле способен понять физику процессов, но общее представление о предмете вы получите. Поднатаскаетесь в практике и сможете довести какую-нибудь лохань из одной системы в другую, не протаранив по дороге оба светила. С вас будет довольно и одного. Факультативно могу для интересующихся дать принципы построения энергоустановок кораблей классов от истребителя до тяжёлого крейсера включительно.

Преподаватель вздыхает, и аудитория издаёт неслышимый стон.

– Вопросы есть?

Какие вопросы, они пожирают её глазами и не способны ни слышать, ни говорить. Все гардемарины, кроме одного. Тот, который с косичками, поднимает руку над головой:

– Госпожа инженер-капитан третьего ранга, позвольте вопрос?

– Да, конечно.

– Старший гардемарин Юсупова! Госпожа капитан-инженер третьего ранга, вчера гардемарин нашей роты при прокладке туннеля обнаружил несколько драгоценных камней. Говорят, что теперь он может купить себе астероид, обустроить по своему вкусу и валять дурака хоть до конца света. Но

ведь природные камни грязнее синтетических?

Цок-цок. Такое чудо стоит рассмотреть поближе. Белокурая головка преподавателя чуть склоняется к левому плечу, дама оценивает оппонента. Кто-то в помещении сохранил не только способность к связной речи, но и умение задавать интересные вопросы?

Кап-три разглядывает гардемарина будто через оптику. Не прицельную, а ту, что отделяет окуляр микроскопа от предметного стекла.

– Видите ли, милая, – лёгкая, ласковая улыбка обитательницы небес расцветает на полных чувственных губах преподавателя, – природные камни ценятся не за оптические качества. Они сохраняют энергетическую проводимость, сформировавшуюся при прохождении исходным расплавом магматических каналов. К сожалению, воспроизвести этот процесс в лабораторных условиях человечество сегодня не в состоянии. Надеюсь, пока. Природные кристаллы, в первую очередь ювелирные разновидности корундов, незаменимы при создании управляющих контуров энергетических установок, особенно с изменяемым вектором потока. А найденные гардемаринном Лобановским...

– Лобачевским, госпожа инженер-капитан третьего ранга, – вежливо поправляет гардемарин Юсупова.

– Да-да, конечно, – соглашается преподаватель. – Так вот, такие камни в других системах ранее не встречались. И обладают очень, очень высоким потенциалом. К тому же их до-

вольно много. Ваше любопытство удовлетворено?

– Так точно, госпожа инженер-капитан третьего ранга! – отвечает хозяйка косичек. «Сука!» – добавляют её карие глаза.

В это время палубой ниже, а именно в центральном проходе жилого сектора вспомогательного крейсера «Орёл», учебного корабля Морского корпуса, выстроена публика помоложе. Из широких воротников форменных курток трогательно и беззащитно торчат тонкие шейки, топорщатся на остриженных наголо головах уши различной степени развешенности. Стоящий перед строем громила-морпех с механическим протезом вместо правой руки далеко не красавец, всё лицо в шрамах, но слушают его, как божественное откровение. Герой Лоховки, старший лейтенант Боборыкин-третий проводит с кадетами младшей роты занятие по физической подготовке.

– Господа кадеты, военному недостаточно быстро бегать. Это может любой, простите за выражение, спортсмен. Боец должен мчаться стремительно, но и этого мало, потому что соревнуется он с прицельным комплексом противника. Ну, правильно бегать я вас научу.

Часть кадетов после этого заявления выражает лицами осторожный энтузиазм. Большинство предпочитает выждать. Орлиным взором оглядев молодёжь, Боборыкин-третий скептически хмыкает и продолжает:

– И начнём мы, как и положено, со старта. Старт бойца не низкий и не высокий, господа. Старт настоящего воина всегда – из положения «лёжа». Потому как лучше залечь в начале сражения, чем полечь в его ходе! Шутка. А теперь немного практики, господа кадеты!

Старлей улыбается с обаянием голодного крокодила:

– Первая пара, на исходную – марш!

Говорят, раньше, до последней войны, умение безотказно попадать на койку медотсека почиталось у гардемаринов признаком лихости и качеством настоящего пустомана. Лёгкие были времена и легкомысленные. К сожалению, мало отличалось тогдашнее гардемаринское отношение к жизни от мировоззрения правящей в Империи братии. Все, считавшие себя элитой, жили, будто весёлый праздник им гарантирован пожизненно. Лёгкость бытия воспевали поэты «мельхиорового века», исповедовали «владыки мысли», окопавшиеся в уютных закрытых кондоминиумах ИСП (имперского союза писателей), со всех ракурсов демонстрировали повелители снов, обжившиеся на многочисленных голостудиях. (Бытовало мнение, что голофильм так называется исключительно по причине обилия в кадре обнажённой актёрской плоти.) В свободное от наслаждения лёгкостью бытия время вся эта братия мучилась от осознания его бессмысленности.

Доигрались, козлы. Большинству пришлось на своей шкуре попробовать, легко ли собирать выбитые зубы сломанными руками. Оказалось, что получивший прикладом импульс-

ника между лопаток стихоплёт летит на землю по той же траектории, что и сапожник. Более или менее прилично устроились в Зелёной Республике только актриски из голостудий, но пахать им пришлось намного интенсивнее, причём без видеофиксации.

А те, в ком ещё уцелел стержень, позволивший когда-то предкам вывести нацию к звёздам и освоить десятки планет, научились ценить совсем другие качества.

Кроме Аркадия в кубрике никого нет. Тихонько бормочет где-то в недрах капсулы жизнеобеспечения неизвестный агрегат, что-то булькает, что-то попискивает. Подмигивают, отражаясь в матово-белых переборках отсека, огоньки вынесенного пульта управления. Не дают гардемарину сосредоточиться на боли, медленно разгрызающей ноги. Можно включить музыку, посмотреть фильм, развлекательный или учебный. Поиграть в игры – вся переборка напротив превратится в большой экран. Только ничего не хочется. Лобачевский часами тупо пялится в потолок. Однотонно и механически отвечает на вопросы врачей и совершенно не реагирует на провоцирующие действия среднего и младшего медперсонала. А ведь главврач посылал самых молодых и красивых.

То, что он любуется игрой цветов в реакторном отсеке корабля, Аркадий не рассказывает никому. Не то чтобы парень боялся прослыть лжецом. Гораздо опаснее для его будущего, если врачи рассказу поверят. Становиться лабораторной крысой высоколобых ему никак нельзя – семейная традиция

велит мужчинам рода Лобачевских вести космические корабли от звезды к звезде, от планеты к планете. Менять традицию Аркадий не собирается.

В проёме распахнувшейся двери материализуется фигурка в стерильной салатовой накидке. Подходит, устраивается на откинувшееся сиденье, берёт за руку. Дёрнув головой, отворачивает за спину каштановые косички.

– Привет.

– Привет.

– Я пришла.

– Да. Спасибо.

– Они говорят, ты теперь можешь купить себе астероид...

– Дурачьё.

– Да.

Военврач первого ранга, оторвавшись от лицезрения ползущих по экрану поверх изображения данных, поворачивается к дежурной медсестре.

– Передайте курсовому командиру, что эта девочка должна навещать раненого не реже одного раза в сутки. По корабельному времени.

*Часом позже на обзорной палубе
военного транспорта «Якут»*

– Михаил Александрович, всё-таки почему гардемаринчиков старших курсов в качестве наказания отправляют «на галеры»? Они у вас чуть ли не половину учебного времени про-

водят в кабинах проходческих комплексов. Первый несчастный случай уже есть, и можете быть уверены – остальные последуют, и в самом скором времени!

Доктор разгорячен, уверен в своей правоте и готов её отстаивать перед любым начальством.

– Эти мальчишки и девчонки – залог будущего нашей колонии. Впрочем, не будем врать самим себе – будущего нашей страны. А вы их просто гробите под землёй!

Капитан первого ранга Китицын, знаменитый морской волк, волею судеб оказавшийся начальником Морского корпуса, кивает, выслушивая эмоциональную речь своего главного эскулапа.

– Видите ли, Оскар Давыдович... впрочем, вы не можете видеть, точка зрения не позволяет. Маловат обзор, фигурально выражаясь.

Кап-раз покашливает в кулак, прочищая горло.

– У этих мальчиков и девочек, как вы выразились, есть одна общая проблема. Из-за гражданской войны они оказались лишены большей части практических занятий. Пять лет теории, разбавленной вахтами у вспомогательных механизмов, не способны заменить реальной практики пилотирования. И тренажёры не панацея, даже самые-самые, которых нам, кстати, брать неоткуда. Гардемаринам нужны моторные навыки, умноженные на реальные ощущения полёта. Они должны шкурой корабль чувствовать, от носа до кормы, каждую деталь, как собственный организм!

Тщательно ухоженный ирокез на голове доктора вызывающе топорщится:

– И чем же может помочь это круглосуточное ковыряние скал? Комбайн вместо истребителя... не понимаю! Вы бы ещё кайло им давали!

– Приобретением проходческих комплексов на Бисурате занимался я. Лично. И настоял на выборе именно агрегатов производства концерна Босх-Сименс дзю Сяова. Хотя у французов можно было найти модели дешевле и новее. Дело в том, что джойстики управления малыми космическими кораблями имперское министерство космического машиностроения содрало именно у них. Между прочим, ионные газовые горелки проходческого комплекса от маневровых двигателей наших кораблей отличаются только размером. Гардемарины получают необходимые в космосе навыки, даже не замечая того, что учатся. А наша колония – для страны мы слишком малы, Оскар Давыдович, – получает растущую базу технического обслуживания флота и экономит трудовые ресурсы. Впрочем, мы отвлеклись.

Снисходительная улыбка сползает с лица каперанга.

– Вы говорите, Лобачевский идёт на поправку?

– Если бы ему оторвало ноги, мы оказались бы бессильны.

А так – восстановим. Не сразу, конечно, и чемпионом по бегу он уже не станет. Но будет способен передвигаться на своих двоих и вести вполне активный образ жизни.

Две недели спустя

Ангарная палуба лёгкого несущего крейсера «Алмаз» между вылетами истребителей суть помещение довольно тесное. Ничего не попишешь, в своё время корабль проектировался и строился как яхта с понтами для важного бизнесмена в погонах, хотя по документам проходил как лёгкий крейсер. Господин адмирал был большим любителем покружить в малоосвоенных системах в сопровождении лучшей половины ансамбля песни и пляски состоявшего у него под командованием флота. А половина удовольствия от круиза это облёт планет и астероидов на скоростных комфортабельных катерах. Вот и отвели при постройке корабля изрядный кусок объёма под ангар для этих самых леталок.

Пузатый любитель путешествий за многочисленные злоупотребления ещё до Галактической попал-таки на ковёр к императору. Самодержец ласково попенял флотоводцу, укорил за недостойное поведение, но от службы всё-таки отставил. С сохранением наград, чинов и приличным пенсией. «Алмазу» долгое время не могли найти применения. Крейсер? Даже не смешно. На эсминцах вооружение мощнее. Войсковой транспорт? С таким собственным весом возить горсть пехоты? Чаще всего корабль служил штабным кораблём, но и в этой роли был не слишком удобен. До тех пор, пока не появились системные истребители. И пусть в ангаре «Алмаза» помещаются всего четыре такие машины, боевую ценность корабля они увеличивают на порядок.

Ангар, просторный для прогулочных скорлупок, четыре ошестинившихся подвесками монстра забивают полностью. Места для обслуживающего персонала остаётся всего ничего.

Для прибывших на практику гардемаринов его нет совсем. Ожидая очереди для подъёма в кабину, им приходится сидеть на корточках. В пустотных скафандрах – то ещё удовольствие, но иначе нельзя. В примитивной конструкции «Алмаза» герметичные шлюзы для истребителей не предусмотрены. В ангаре крейсера вакуум по обе стороны наружного борта.

Аркадий проводит затянутой в перчатку рукой по броне крайней в ангаре машины, вспоминая...

«Г-9. Системный истребитель конструкции Григоровича. Глубокая модернизация предыдущей модели. По сравнению с Г-седьмым набрал пять с половиной тонн сухого веса, всего девяносто три с половиной тонны. Полный взлётный вес 149 тонн. Соотношение собственного веса и полезной нагрузки до настоящего времени лучшее в известном космосе.

Энергоустановка – синтезирующий реактор закрытого типа с обратной накачкой холодного типа.

Благодаря использованию эффекта Бодрова – Нестеренко, мощность основной двигательной установки удвоена по сравнению с прототипом. Тип установки – двойная разнесённая гравитационная колонна Пряничникова, тип

НП98/74 бис. Форсажные камеры прямого типа, непрерывно/пульсирующие, с электромагнитным ускорением реактивной массы.

Экипаж – 1 человек.

Автономность – до 30 стандартных суток.

Встроенное вооружение – лазерная спарка НС 32×2, агрегатированная с двумя ЭМПУ КС 2,5-57.

Номенклатура подвешного вооружения – согласно спецификации.

Система защиты автоматическая, интеллектуальная – тип Штора-МУ. Включает в себя комплекс детекторов кругового обзора, две турели ЭМПУ 0,2-45, сеятель Град 52/24, комплекс «Туман» и блок РЭБ 0,725 «Трындычиха».

Рабочий клин (типовая конфигурация):

количество ведомых дронов – 12, в том числе тяжёлых ударных типа «Стриж» – 3 единицы, дальней зачистки типа «Оса» – 4 единицы, непосредственного прикрытия типа «Каракурт» – 5 единиц.

При необходимости конфигурация клина может быть изменена. Опция доступна при замене модуля управления на истребителе. ВНИМАНИЕ! Только на специально оборудованном стенде!

Скорость... Прицельно-навигационный комплекс, система управления оружием... Детекторный комплекс...

А пилотская кабина девятки! Машина обнимает пилота, как любящая женщина, крепко, но нежно. Это не коробка в

несколько тысяч тонн массы покоя, пилотирование девятки это песнь души и счастье бытия. Перегрузки при маневрах позволяют ощутить себя живущим на полную катушку.

Перегрузки при маневрах...»

Закусив губу, Лобачевский тычет в корпус истребителя кулаком, поворачивается к машине спиной и твёрдой походкой направляется к ведущему в жилые отсеки шлюзу. Внешний скелет его модернизированного механиками Морского корпуса скафандра старательно демпфирует нагрузки, возникающие при движении.

«При восстановлении повреждённых нервных волокон нижних конечностей произошло их изменение неясной пока природы. Структура ткани изменена, последствия непредсказуемы. Кроме того, наблюдаются многочисленные нарушения структуры костей и суставов. В настоящее время ноги пациента функционируют нормально, если не считать болезненной чувствительности. Рекомендуются постоянное врачебное наблюдение. Противопоказаны любые физические нагрузки, превышающие стандартный уровень».

Последняя фраза эпикриза перечеркнула лёгкую карьеру гардемарина Лобачевского жирным красным крестом. Чертовы медики.

Мелкая рябь на поверхности воды засыпает окрестности целыми стаями солнечных зайчиков, заставляет морщиться, потому что отвернуться сейчас – потеря лица. Чёрт, слепит, будто лазерная ловушка. В ушах отдаётся полный официального участия голос начальника училища.

– Приказом командующего морскими силами старшему гардемарину Лобачевскому присваивается очередное воинское звание – мичман. Этим же приказом вы отправляетесь в бессрочный отпуск для поправки здоровья с сохранением половинного жалованья, причитающегося вам в соответствии со званием.

Китицын замолкает на секунду, затем нормальным голосом продолжает:

– Мне искренне жаль, Аркадий Лукич. Но обстоятельства...

– Я понимаю, господин капитан первого ранга. Флот и без меня обременён излишком офицеров. Заслуженных, с боевым опытом.

Начальник школы хлопает ладонью по столешнице и вдруг вскакивает на ноги:

– Что вы понимаете, мальчишка!

Но тут же остывает и берёт себя в руки.

– Извините, Аркадий. И давайте поговорим без чинов. Вы

правы. На флоте действительно слишком много офицеров. Здоровых, пригодных к службе без ограничений. Вы уже думали, чем будете заниматься? Финансовые затруднения вам, насколько я знаю, не грозят?

– Не грозят. Ко мне уже обращались сотрудники строительного управления. Кресло и пульт управления проходческого комплекса мне предоставят в любой момент. Однако... – мичман рывком поворачивается к теперь уже бывшему командиру: – Михаил Александрович, я слышал, «Тюленья» списывают и собираются пустить на разборку?

– Да. Жаль, конечно, но корабль окончательно устарел. Практически полный износ энергетической установки. Новую взять негде, а так хоть вспомогательные механизмы используют.

Аркадий собирается, очевидно, окончательно приняв какое-то решение.

– Михаил Александрович, ведь субпространственники типа «Морж» не дают на разгоне и маневре перегрузки больше двух с половиной «же»?

– Два и четыре десятых для «Тюленья», – по памяти поправляет бывший командир.

– Помогите выкупить ветерана! – взмолился Лобачевский. – А реактор... Реактор восстановим! Я уже говорил на «Кронштадте», с теми кристаллами, что у меня остались...

– Не хотите уходить из космоса, – Китицын смотрит юноше в глаза. – В принципе, космические суда в частной соб-

ственности у нас уже есть. Но, быть может, подобрать какой-нибудь буксир?

Аркадий отрицательно качает головой:

– У старых буксиров просто смешной запас хода, – юноша улыбается. – А новый мне никто не продаст. Их и старые-то не продают.

– Убедили. Я постараюсь связаться с Беренсом при первой возможности. Вы же подробно изложите свою просьбу в письменном виде. Отдельным файлом – как собираетесь использовать выкупленный корабль. И да, за «Тюленя» – отдельное спасибо.

* * *

Когда-нибудь, когда планету достаточно обживут, здесь непременно появятся художники. Закон природы такой. Они появляются везде, где есть достаточное количество свободных материальных ресурсов, пригодных для обмена на художественные ценности. Неважно, что это – кусок мамонтьятины, тёплая шкура, горсть гульденов или долларовый счёт...

Они появятся и с одухотворёнными лицами начнут наносить на полотна разноцветные кляксы, пытаясь их комбинацией передать удивительное ощущение, возникающее при виде салатových волн, накатывающих на покрывающую пляж розовую гальку.

Аркадий улыбнулся своим мыслям и начал подниматься

по склону. Чем дальше от берега, тем чаще среди гальки попадаются пятна лишайника и чахлые кустики травы. Специально почву на побережье не создавали, но растительность и здесь пытается отвоевать своё место под солнцем, пусть спектр местного светила и отличен от того самого, первого солнца.

Жилая зона начинается сразу за полосой галечного пляжа. Ничего похожего на колониальный архитектурный стиль – сборные жилые модули расставлены в соответствии с рассчитанным искусственным интеллектом планом. Максимальное количество на квадратный километр площади при соблюдении требований коммуникации и противопожарных мероприятий. Дома-коробки изначально похожи друг на друга едва ли не на молекулярном уровне. Это противно человеческой природе, отторгается ею, и вот уже на окнах одного модуля белеют вязаные кружевные занавески, а стену другого украшает корявое граффити, предупреждающее прохожих о том, что Петька – дурак. Нужный модуль Аркадий находит по невысокой ограде, состоящей из оболочек выработавших своё топливных сборок. На каждой бросается в глаза заботливо подкрашенный знак радиационной опасности. Юный мичман улыбается и нажимает кнопку выведенного к калитке коммуникатора.

– Нах... я занят! – приветливо отвечает устройство, но Аркадий знает волшебное слово.

– Пётр Васильевич, вам Михаил Александрович просил

привет передать.

– Хм-м... – коммуникатор берёт паузу. – Привет оставь у калитки, мальчик, только поставь так, чтобы детишки не разбили. Впрочем, от которого из Александровичей привет?

– От Китицына.

Комм выключается, зато открывается входная дверь. Дверной проём напоминает раму с ростовым портретом. Изображённая личность имеет весьма примечательный вид. Хозяин модуля невысок, абсолютно сед, бороду бреет, зато носит огромные усы, свисающие почти до ворота старенькой застиранной тельняшки. Вторым предметом в костюме старика являются форменные корабельные шорты из не знающей сносу «шортовой кожи». Ноги кривые, заросшие густым чёрным волосом, обуты в шлёпанцы из того же практичного материала, явно бывшие собственностью морского министерства – набитые белой краской номера всё ещё хорошо различимы. На левом – 73, на правом – 112.

Рассмотрев Аркадия (молча), домовладелец поворачивается к нему спиной и, уже уходя, бросает через плечо:

– Ну, чего стоишь, заходи!

Жилище старого инженера внутри меньше всего похоже именно на жилище. Филиал старого корабельного кладбища, с явно выраженной специализацией на технологичных потрохах, берлога Франкенштейна от электроники. К последней ассоциации подталкивает то, что почти половина этого хлама, разбросанного и развешенного в самых неожиданных

ных местах, продолжает гудеть, пищать и помаргивать. Над спальным местом хозяина, наводя на мысли о смирительной рубашке, висит тяжёлый даже на вид костюм высшей радиационной защиты.

Пётр Васильевич усаживается за стол, привычным жестом сгребая в сторону лупу, паяльник, раскуроченный наручный коммуникатор, треть буханки хлеба и пустую банку из-под белкового концентрата.

– Нечего по сторонам пялиться, юноша, не в музее. Колись, на кой чёрт тебе понадобились мои старые кости?

* * *

Бабья слободка, которую ещё называют вдовьей, стоит несколько на отшибе от собственно Кемп-тауна, ближе к горам. А нужный Аркадию модуль, если не врёт навигатор компа, стоит ещё дальше. К нему ведёт узкая, едва намеченная на каменистой поверхности, тропа. Модуль чист, как хирургический блок. Глаз невольно задерживается на мелочах – качели на заднем дворе, песочница с ограждением из каменных обломков, скамья у входной двери, архаичное устройство для сушки одежды – набор натянутых между столбами веревок. Всё сделано из подручных материалов. Но для чего сушить одежду на улице? Сюда что, электричество не провели?

На звук шагов из-за модуля выглядывает ребёнок – маль-

чуган лет пяти от роду, белобрысый, коротко стриженный, в матросском костюмчике.

– Ма, это дядька какой-то!

За пацанёнком появляется молодая женщина, сразу понятно – мать. Те же некрупные черты лица, прямой нос, синие глаза, маленький рот. Только волосы у матери тёмно-русые. Свободная блузка, темная, до щиколоток, клетчатая юбка с ремнём. На ремне кобура с импульсником. Что-то незнакомое, наверно трофейное.

– Добрый день, – устало здороваются она. – Вы в самом деле к нам, молодой человек, или дорогу решили спросить?

Подколола, заметила включённый на комме навигатор.

– День добрый. Я ищу Елену Викторовну Туманскую. Это вы?

– Это я. И для чего же вам понадобилась Елена Туманская?

– Меня зовут Аркадий. Аркадий Лобачевский. Я хотел бы предложить вам работу.

Пока старшие представляются, мальчишка, бесцеремонный, как большинство детей в его возрасте, обходит мичмана, разглядывая со всех сторон. Затем картинно становится рядом с матерью, упирает руки в бока и интересуется:

– А ты не слишком молодой для подпоручика?

Мать гладит сына по голове:

– Сына, дядя не подпоручик, он флотский мичман. Иди пока, поиграй, нам с мичманом нужно поговорить.

Мальчишка убегает к расставленным в песочнице солдатам.

– Присаживайтесь, Аркадий. Правда, не могу понять, для чего здесь столь молодому человеку могли понадобиться мои навыки.

– Елена Викторовна, мне в экипаж нужен геолог. Советовали обратиться к вам.

Туманская откидывается назад, прислоняется к стене модуля.

– Да-а, Аркадий. Вам удалось меня удивить. Но кто вам, если не секрет, подсказал?

Лобачевский разводит руками – какие, мол, секреты?

– Мне посоветовала вас найти капитан третьего ранга Егорова. Вроде вы с ней в одном университете работали.

Туманская проводит по лицу ладонями. Кисти рук у неё маленькие, ладошки узкие. Как она управлялась с тяжёлым снайперским комплексом?

– Забавно. Вы неординарный молодой человек. Найти бабу, которую большая часть наших знает как Ленку-дырокол, по рекомендации Гладкой Штучки, и предложить работу геолога... на кой чёрт вам понадобился личный геолог?

Глава 2

Упал-отжался!

– Левее, ещё левее и на два пинга дальше! Да, этот! Вполне себе перспективный!

После пары пробных вылетов стало ясно – если есть нужда в приличном заработке, ковырять астероиды стоит глубоко в потоке – с края всё вкусное собирают вояки. Старые миноносцы, хоть и не годятся для дальнего патруля, вполне способны десятком-другим дронов обшарить окраины потока, отметить лучшие куски и навести на них буксиры и разградители.

«Тюленю» приходится самому искать, самому арканить и тащить к орбитальным модулям годные обломки. По итогу заработанных учётных единиц, по привычке именуемых «колокольчиками», хватает на то, чтобы сводить концы с концами и не ставить корабль на прикол. Подпространственник, пусть и лишённый большей части вооружения, против буксиров – кто больше заработает, таская к заводам железно-никелевые болванки?

А недостающее оборудование на какие шиши заказывать прикажете? На места демонтированных палубных торпедных аппаратов просятся внешние грузовые отсеки или площадки для тяжёлых дронов. Только место имеется, а ставить

туда нечего.

– Затык, однако, – буркнул Бэргэн Темирдяев и полез обратно в зарядное отделение. Если боеприпасов у комендора мало, они должны храниться в идеальном состоянии.

– Командир, мудрые мысли есть?

Мишка Шелихов всего на пару лет старше Лобачевского, нетерпелив и порывист. Правда, навоевался по самое «не могу» – дрался с зелёными в трёх мирах и остался жив. В тяжёлой пехоте это статус. Но здесь, на Заднице, воевать не с кем, и большая часть парней в своих усиленных бронескафах пашут обычными грузчиками и монтажниками. Как в песне: «Где робокары не пройдут и где ШТ не разместится...» Решил, что делать то же самое в пустоте будет интереснее, и вербанулся на «Тюленя». Идти назад ему очень, очень неохота – однополчане насмешками изведут.

– Есть, как не быть. Только с приличным шансом свернуть шею.

– Не вопрос. Ты только покажи, кому. Сделаем в лучшем виде, – мотает Мишка бритой наголо головой.

Аркадий пытается почесать затылок, ушибает пальцы о тыльную часть нейрошлема, но делает вид, что просто хотел развём поправить.

– Елена Викторовна, вы с какого расстояния можете вкусный обломок отличить, из тех, что побольше?

– Если развести сканирующие дроны по максимальной базе, километров с пятидесяти. Без них – максимум на де-

сять. По металлическим проявлениям дистанция утраивается. Что задумал?

Лобачевский выравнивает скорость «Тюленя» со скоростью потока астероидов и разворачивает командирское кресло, оказавшись лицом к свободным членам экипажа.

– Подпространственник может двигаться в подпространстве. В глубине потока встречаются места почти свободного вакуума. Вычисляем такую проплешину, рассчитываем маневр и ныряем. Если рассчитать верно, окажемся внутри потока и сможем выбирать куски по вкусу. Без конкуренции. Как вам идея?

– Аркадий, меня сын дома ждёт!

– Он у вас в воспиталке. Елена Викторовна, мы для начала отработаем маневр рядом с потоком. *Как будто* ныряем. И только если раз десять получится. . . .

– Хрен с вами, Аркадий, уболтали. Давайте пробовать.

– Хе, – отзывается из машинного Хренов, – как в старые времена! Представь, что на «Гребин» заходишь!

– Не буду, – бурчит в ответ Лобачевский. – С Гребинком вы тогда, Пётр Васильевич, налажали. Я лучше на «Инзюкту» зайду. Нам призовые нужны, без славы как-нибудь обойдёмся.

Устойчиво попадать в центр смоделированного навигационным компьютером объёма Аркадий начал попытки с двадцать восьмой. Рискнул нырнуть в реальный поток через сут-

ки. После трёх десятков безошибочных маневров и ехидного запроса с болтающегося в тысяче километров «Звонкого». Голосом капитан-лейтенанта Максимовича миноносец поинтересовался – с чего это молодёжь на экранах так и мелькает? Не нужна ли помощь?

– Отрабатываю маневр уклонения от миноносца противника, – признался Аркадий, перепроверил расчёты, ввёл данные и утопил клавишу ввода.

– Получилось, однако, – невозмутимо объявил Бэргэн, обшаривая прицельным устройством нависшие над «Тюленем» астероиды.

Энергично помянула командирскую маму геолог, обнаружив ближайшую каменную глыбу в считанных метрах от правого борта.

– Таки чуть не угробил, п... – вовремя прикусила себе язык женщина. – Сдай влево помалу, или осевой по часовой на три, иначе дрон штатно не отойдёт.

Двадцать тонн мелкодисперсного углерода интендантское управление заглотило, как щука уклейку. Пожилой делопроизводитель аккуратно выписал расчётные документы, проверил, упал ли перевод на счёт получателя, повернулся к Аркадию и требовательно произнёс:

– Ещё.

«Тюлень» две недели метался между астероидным полем и орбитальными доками, пока при очередном всплытии не

притёрся к небольшому, по счастью, астероиду. Помяли обшивку. Несильно.

– Хватит, – решил экипаж, и Аркадий приказал автопилоту возвращаться на орбиту Кемптауна. Путь, который Г-9 проходил за часы, «Тюлень» одолел за неделю.

– Ну, хоть так, – грустно вздохнул капитан грузового подпространственника и ласково погладил подлокотник старенького командирского кресла.

После акробатики в астероидных полях приводнить «Тюленя» рядом с ремонтным судном – это семечки. Смог бы и корабельный кот, существуй он в природе.

После посадки в корабле первыми умирают звуки. Вот только что он жил на полную катушку, жужжал, щёлкал, шипел и попискивал. Привычное ухо этого не воспринимает, опытный пустолаз насторожится, если в привычном звуковом фоне исчезнет какая-то нота. Но вот командир отключает гравипапу (никто не знает, когда и отчего к гравитационным колоннам кораблей прилипло это прозвище), корабль всем весом опускается в воду и начинает покачиваться на волне. Прощальная россыпь отбиваемых на клавиатуре команд, и по очереди уходят в спящий режим или выключаются корабельные устройства, системы и механизмы. С гудением опускаются заслонки реактора, убирая торсионные поля, в рабочей зоне затухает маленькая копия солнца. Тускнеют световые панели, корабль погружается в сумрачную дрёму. Зато резче и отчётливей становятся прочие звуки. Гулко

отдаются шаги по коридору, а звук упавшего с пульта электронного ключа отдаётся в ушах пушечным выстрелом.

Шипение воздуха при разгерметизации, жужжание открывающегося люка, и экипаж начинает собирать вещи, на ходу обмениваясь информацией, где и что каждый собирается делать «на берегу».

– За Никиткой, конечно. А потом... потом домой, все планы завтра и только завтра. А вы, командир, куда? – Елена на ходу прихватывает собранные в хвост волосы зажимом.

– Я, пожалуй, на корабле останусь. Не в корпус же тащить-ся, в самом деле? Проветрюсь на берегу и назад.

– Тогда сейчас – с нами, – бесцеремонно подхватывает Аркадия под локоть Семён Плетнёв, второй абордажник «Тюленя». – Такой выход грех не обмыть! Провернём в «Тошниловке» как следует, потом можно и по делам разбегаться.

Отказываться нет ни повода, ни желания. Со сборами тоже никаких проблем – ввиду отсутствия выбора, идти нужно в форме. Не в корабельном же комбинезоне в кабак соваться. Там не поймут. Дикари-с.

На самом деле кабак в Кемп-тауне (не путать с названием планеты, там без дефиса) именовался «Арарат». Как ещё может называться заведение, хозяином которого является Вазген Айвазов? «Эребуни»? Не смешите мои тапочки, – сказал бы какой-нибудь господин с Новой Одессы, – кто тут знает

за эти буни? А «Арарат» все пили, да.

Трёхмерная проекция великой горы украшала собой вывеску заведения. Вот только иначе чем «Тошниловка» в поселении кабак не звали. От слова «совсем».

Кормил Вазген теми же разносолами, которые приелись давно на армейских кухнях. А откуда взять другую еду? Не выросла ещё. Зато водочку господин Айвазов изготавливал самолично, по семейным якобы рецептам. На самом деле ресторатор просто смешивал спирт с ключевой водицей, добавляя сохранённые в бардаке эвакуации перец или лимонную цедру. Кому что по вкусу. Зато обстановка была самая что ни есть ресторанная. С белыми скатертями, чистой посудой и столовыми приборами из литой нержавеющей стали. Ближе к вечеру между столиками начинал ходить пожилой скрипач Яша, за малую мзду исполняя музыкальные пожелания подвыпивших клиентов. Играя, Яша нежно держал кормилицу-скрипку и понимающе смотрел в лицо клиента. И иногда доставал-таки до души, выжимал слёзы из таких зубров, что казалось там не только души, там и сердца-то давно нет, один имплант с ядерной батареей.

По причине утреннего времени пустолазов с «Тюленя» хозяин встретил лично, принял дождевики, передал тётеньке гардеробщице.

– Какие номерки, дорогой, я ваши плащи в лицо знаю! Вы мне гость, самые лучшие места сажу, сам вижу, что на стол несут. Сейчас он подойдёт, – Вазген кивает на миловидную

официантку, – заказ примет, всё красиво делаем, не умею иначе!

Сдав клиентов, хозяин растворяется в воздухе, материализовавшись где-то в районе кухни. Артист! Экипаж «Тюленья» рассаживается за столиком по старшинству, традиция. Отсутствие штатного геолога мужчин не расстраивает – и слава у Елены специфическая, и расслабляться после рейса лучше поначалу в чисто мужской компании. Принявшая заказ девица метнулась на кухню, вильнув тугим задом, но быстро вернулась, разбросав по столу корзиночки с хлебом, мисочки с овощным салатом, соевый сыр, пару сифонов с газировкой и водрузив в центр стола большой графин с водкой. Обычной, без вкусовых присадок.

– С вашего разрешения, командир, – берёт ёмкость за горло Хренов, – как старший по возрасту. Бэргэн, а тебе водку можно разве? У якутов иммунитета к алкоголю нет же?

– Лей, не бойся. Природного нет, я искусственным заправился. Ещё до галактической колонию нанитов подсадил, чтобы с катушек не срываться.

– Дорого, поди, обошлись? – интересуется Мишаня, перебрасывая себе в тарелку сырные ломтики.

– Две с половиной тысячи, как с куста, – видно, комендору не впервой отвечать на такие расспросы. – Командир, слово говори. Не пьянка, однако, мероприятие.

Аркадий поднял тяжёлую стеклянную рюмку, взгляделся в лица своих людей...

– За удачный вылет, и пусть другие будут не хуже!

После шумных посиделок в «Тошниловке», наполненных всеми этими «а в тот раз...» и «как сейчас помню...», царящая на корабле тишина прохладным компрессом ложится на большую голову. Поскрипывают швартовые концы, тихо плещут в борт набегающие волны. Здесь, в глубине залива, они мелкие и нестрашные. Корабль принял командира, будто живое существо – распахнул люк в ответ на поглаживание сенсорной пластины, принял в шкаф промокший дождевик,дохнув на сырую ткань теплом из вентиляционных отверстий, заботливо включал на его пути световые панели, освещая дорогу к капитанской каюте. Той каюты... чуть больше среднестатистического гроба, примерно с личную капсулу сабвея дальнего следования – Аркадий ездил на них с родителями, давно, ещё до войны. Обычно Лобачевский не позволял себе таких воспоминаний, а сейчас накатило – отец, мама, её руки... Ласковые, нежные, они так чудесно пахли...

– Тук-тук! Не помешаю? – у противоположной переборки стоит Елена, заглядывает в открытый каютный люк.

– Елена Викторовна? – удивляется Аркадий. – Вы же с Никитой...

– А-а... – устало машет рукой женщина, – у них в воспиталке карантин. Помахали друг дружке через стекло, поговорили по комму. Передала ему немного сладостей, припёрлась домой и поняла, что без сына там совершенно нечем занять-

ся. Собралась выпить с расстройства, но в одиночку противно. Составите женщине компанию?

Только сейчас Аркадий замечает, что Елена в цивильном платье. Наверное, не бог весть что, он в этом не разбирается, что-то чёрное, с длинными рукавами, но куцый подол открывает стройные ноги гораздо выше середины бёдер. И туфельки на каблуках, простые чёрные лодочки, однако оторвать взгляд от обтянутых чулками женских ног удаётся не сразу.

– Я вообще-то уже с ребятами... – мычит он, но попытка уклонения игнорируется.

– Пойдём, я в кают-компаниии уже всё приготовила.

Женщина поворачивается на каблуках и идёт по коридору. Мягкое покрытие не цокает под набойками. Аркадий вздыхает, выбирается из-за столика, выходит в коридор и останавливается как вкопанный. Запах! Он вспоминал его несколько минут тому. Мамины руки пахли точно так же. Лобачевский глубоко вдыхает и идёт следом за своим геологом.

Шершавый пластик стола с фиксаторами для столовых приборов и вазочка с фруктами сочетаются плохо. Впрочем, какая разница? В конце концов, самодельный ликёр из корабельных стаканов не страшен, если пил тёплую водку в корпусном сортире. Из мыльницы.

– Хорошо пошло, – Елена забрасывает в рот кусочек чего-то засахаренного из вазочки. – Ты не представляешь,

сколько всякого дерьма пришлось женщине разгрести. Наливай ещё по одной, хочется расслабиться, в кои-то веки...

Всё-таки странные они, эти женщины. Не одну неделю провёл с ней на маленьком, в сущности, кораблике. Присмотрелись, притёрлись, приработались. Но вот она тронула лицо косметикой, подкрасила реснички, капелька алой помады – и перед тобой опять сидит незнакомка, вертит в тонких пальцах стакан, по стенке которого сползает капля желтоватого напитка. Аркадий со стыдом осознаёт, что почти не слушает члена экипажа, а просто разглядывает его. Собирает остатки воли в комок и вслушивается.

– Измывались надо мной, пока не надоело. Все четверо, да. Потом просто бросили то, что от меня осталось, и пошли искать новых приключений, уроды. Как-то очухалась, выползла из аудитории, выбралась из городка. Повезло – марковцы подобрали, их тогда бросили на наведение порядка. Выходили. Думали, я в госпитале работать буду. Ага, после всего. Нашлись хорошие люди, помогли «Лютик» освоить. С тех пор как увижу бородатые хари знакомого облика, рука сама к спусковому тянется. Не одну сотню пришила, а не проходит.

Елена замечает пустой стакан в своей руке.

– А чего это мы не пьём? Наливай, командир!

Аккуратно, маленькими глоточками выпивает свою порцию лимонного напитка, ставит стакан на стол и наклоняется к собеседнику.

– Командир, а у тебя женщина есть?

Разглядывает залившуюся нежные щёки краску и довольно кивает.

– Понимаешь, Аркадий, я после того случая с мужиками не могу – крышу сносит. Паническая атака, и всё. Но организм бабий, он своего требует.

Елена встаёт, обходит стол и садится на него так, что обтянутые прозрачной тонкой тканью бёдра оказываются прямо перед лицом Лобачевского. Ласково проводит рукой по щеке, толком не знающей бритвы.

– Я тебя не боюсь. Давай попробуем?

Глаза Елены становятся большими, Аркадий больше ничего и не видит, кроме этих требующих и зовущих глаз. Губы, тёплые, упругие губы касаются его губ, и он окончательно теряет над собой контроль, руки помимо воли охватывают женские бёдра, гладят, тянут к себе, и женское тело – сильное, крепкое молодое тело, пьянящий запах которого кружит голову и срывает крышу, охотно подаётся ему навстречу.

Аркадий просыпается через несколько часов, разбуженный поцелуем.

– Я, пожалуй, пойду. Не дай бог, с утра нелёгкая принесёт кого-то из мужиков, начнут задавать всякие вопросы.

Елена уже одета и причёсана, следы застолья в кают-компании наверняка убраны на молекулярном уровне. Необыкновенно обстоятельная женщина.

– Придумают больше, чем было, приврут с три короба, я вас, самцов, знаю.

Уже в коридоре она оборачивается:

– Ты был неутомим, командир. Спасибо, – улыбается какой-то очень доброй улыбкой и поднимается по лесенке, скрываясь из виду.

– Ноги у неё великолепные, – вздыхает Аркадий и снова откидывается на подушку. – Я подумаю об этом завтра. А теперь спать, просто спать.

Через неделю отдохнувший экипаж занял перед стартом места по штатному расписанию. В предстартовой суете Елена нашла момент и шепнула:

– Не переживай, замуж я проситься не буду. Но если что – мне понравилось.

Долги уплачены, корабль обслужен, впереди месяц автономки. Что ещё пустотнику надо? Аркадий опускает пальцы на подсвеченную клавиатуру пульта, с пулемётной скоростью вбивая в покладистый корабельный мозг очередную россыпь команд.

Жить – хорошо.

Глава 3

Кто в теремочке живёт?

Перегрузка мелкого порошка в невесомости достаточно простой процесс – вакуумный насос не требуется, этого самого вакуума вокруг в избытке. Немного избыточного давления в трюме, открываем клапан, длинное ш-ш-ших-х, и процесс закончен. Дежурное «Спасибо!» от оператора дока, которое через десяток стандартных минут подтверждается радостным монетным перезвоном из комма – очередной платёж получен. Седьмой рейс пятой автономки, рутинные операции, неплохо пополнившие счета экипажа и практически восстановившие платёжный баланс Лобачевского. Будто и не выкупал «Тюленя». Но – скучно. Заход на очередную полость в астероидном потоке, вычисление самых лакомых кусков, выход дронов, иногда высадка десантников. Добыча, бункеровка, выход к орбитальным докам. Чаще всего возится углерод – именно он нынче в большом дефиците. Ни торфяников, ни угольных залежей на планетах Задницы пока найти не удалось. Жечь биомассу дорого, а при её нынешнем дефиците это как топить печь ассигнациями. Над почвенным слоем все просто трясутся. А в марширующих по орбите в виде плотной кучи обломков остатках разрушившейся не столь давно планеты углерод встречается, причём пла-

стами. Елена что-то объясняла про выпадение на океаническое дно, накопление, там ещё плиты какие-то дрейфовали. Лобачевский особо не вникал, есть, и ладно. Попадаетея не так чтобы часто, но у Аркадия на него нюх. В отсутствие углерода приходится брать руды. С рудой возни больше, износ дронов выше, зато встречается большими массивами, можно долбануть по проявлению лазерами, фрагментировать на приемлемые по размеру обломки.

Короче, рутина и однообразие. Приелось за полгода. Деньги, они, конечно, хороши, но в Новороссии на них особо ничего не купишь. Военный коммунизм, как ни противно это звучит. Только что питание богаче, чем в среднем по стране. У «Тюленя» теперь даже собственный тепличный комплекс имеется, с разобранного на металл ветхого транспорта. Выцыганили у ремонтников, в счёт оплаты. Небольшой, но свежая зелень есть всегда. Смонтировали его рядом с Елениным модулем, запустили и отдали на откуп жёнам Бэргэна и абордажников. А где корм, там и мясо. Не каждый новоросич может время от времени баловать себя настоящей яичницей или жареной крольчатинной. Оно, конечно, хорошо, и старики довольны, только со скукой-то что делать?

– Командир, ты вот по космосу ловко «Тюленя» гоняешь, хоть и не так чтобы быстро. А в соседнюю систему прыгнуть слабо? – хитрый Шелихов рожу держит кирпичом, типа «уже и спросить нельзя»?

– Прыгнуть-то я могу, и «Тюлень» наш тоже, а смысл?

– Так интересно же! – Мишка показное спокойствие теряет и ёрзает нетерпеливо. – На Альфе наших практически нет – «Страж» болтается над Таити, пяток очкариков на корыте ещё меньше нашего таскается по системе. Может, там тоже чего вкусного имеется, а мы ни уха, ни рыла.

– Мишка, а кто деньгу будет зарабатывать, пока мы любопытство тешить станем? – привлечённый разговором Хренов вылез из своего отсека и встал за спиной у Шелихова.

– Может, там ещё выгодней выйдет? Прошлый раз в «Арапате» парни с «Жаркого» зависали, я их поспрашивал маленько. Там, между прочим, тоже каменюки стаей по орбите носятся. Будто кто-то в каждой системе по планете на запчасти разобрал, причём недавно совсем. Разок смотаемся, Викторовна свои агрегаты погоняет, может, там ещё выгоднее по обломкам шарить? А?

Не вставая, разворачивается вместе с креслом Елена:

– Знаете, Аркадий, а ведь я тоже не прочь посмотреть на тамошние края. Иначе мы здесь мхом зарастать начнём.

– Дык, приводы в порядке, можем и дальше прыгнуть, если желание появится, – неожиданно для капитана поддерживает идею Хренов.

– Я подумаю, – ворчит Лобачевский, хотя ёжику понятно – прыжок в систему Альфы состоится обязательно.

Когда взволнованный переходом из одной физики в другую организм приходит в себя и все органы его наконец на-

ходят свои законные места относительно друг друга, первый взгляд, как обычно, бросается на обзорный экран. Смотреть там особенно не на что, в лучшем случае можно разглядеть сверкающее зёрнышко местного светила. Если, конечно, точка выхода находится рядом со звёздной системой. Впрочем, вздрюченный не одним поколением программистов компьютер корабля выводит на экран и то, что реально с такого расстояния не видно – планеты, заслуживающие внимания объекты поменьше и их скопления, бледные овалы их орбит, а также присутствующие в доступном пространстве корабля.

Динамики в рубке оживают, озвучивая появившийся на экране текст:

– Говорит канонерская лодка «Страж», капитан второго ранга Люби. Назовите себя!

– Частное судно «Тюлень», порт приписки Кемптаун, капитан и владелец мичман запаса Лобачевский. Цель прибытия в систему – изучение местных достопримечательностей и поиск ресурсов.

В голосе командира канонерки слышится тщательно скрываемая насмешка:

– На Таити посадка запрещена, в остальном желаю успехов, мичман. Будет скучно – заходите в гости.

Плетнёв задумчиво смотрит на зелёную искру, отображающую положение «Стража» в системе.

– Тоскливо им тут, наверное.

Елена, не отрываясь от тестирования поискового оборудования, бросает:

– Их здесь каждый месяц меняют, это нормальный крейсер у нас один, канонерок хватает. Вдова их бывшего боцмана с семейством у меня в соседях обитает, просветила. Командир, с какого края начнём?

Сколько волка ни корми, всё равно до слона ему, как до Москвы раком. Покрутившись возле небольших здешних планет, «Тюлень», один чёрт, присоседился к куче битых булыжников, по привычке летящих по общей траектории. По расчётам планета, разобранный на детали, была малость больше основного стандарта, то есть была крупнее Таити раза в полтора. От звезды, правда, болталась далековато, уже за пределами «жилой зоны». О том, кто, как и для чего раздолбал в системах Задницы пару планет, экипаж подпространственника рассуждал частенько, но без особого азарта – никакой практической ценности обсуждение не имело. Просто трепались, коротая время.

– Командир, давай немного продвинемся, здесь ничего интересного не вижу, – Елена, проверяя себя, ещё раз прогнала полученные с дронов сигналы через аналитический блок и не сразу обратила внимание на необычное поведение Лобачевского. Аркадий толчками продвигал «Тюленя» к какой-то конкретной цели, но как? Закрыв глаза, он вроде бы вглядывался во что-то впереди, потом смотрел на навигаци-

онный экран, пытаясь согласовать видимую картину – с чем? Елена закрыла глаза, но кроме нескольких мутных цветных пятен ничего не увидела.

Лобачевский ещё несколько раз толчками продвинул корабль вдоль астероидного месива и подался вперёд. Подчиняясь его команде, один из видимых на экране каменных обломков по контуру очертился зелёным.

– Семён! Видишь эту штуку? Что о ней скажешь?

– Вижу, командир, – скрыть недоумение в голосе десантник даже не пробовал, – камень как камень, две тонны с хвостиком масса покоя, на грушу похож, летит чуть в стороне от основного потока.

– Семён, я тебя как старого сапёра спрашиваю, похоже *это* на мину?

– Да чтоб мне повылазило, командир, камень как камень.

Семёна поддержала геолог:

– Аркадий, по данным сканирования структура обломка однородная, никакой активности в любом из диапазонов.

Лобачевский снова закрывает глаза, «вглядываясь» в летящий в полтора километрах от него объект, после чего откидывается на спинку кресла и трёт лицо ладонями.

– Ставлю «Тюленя» против портовой шаланды, в толстом конце этого булыжника имеется вполне рабочий реактор. Будем брать?

– Да ну... – недоверчиво тянет Плетнёв.

– Не да ну, а ну да. Можешь не верить, но я активные

реакторы с некоторых пор вижу издалека. Как огонь ночью. Неостывшие тоже, но только если рядом. И даже остывшие. Если в упор. Я спросил – будем брать или сдадим коллегам с канонерки?

Не выдержал Мишка:

– Командир, а если он опанёт?

– Свалим. В подпространство. Семён, с тебя анализ возможных сюрпризов и способы противодействия. Времени – час. Потом снаряжаем малый дрон, программируем и запускаем. Я ныряю на час, потом выныриваю, и смотрим, что получилось. Другие предложения есть? Да, реактор британского типа, на миноносцах типа «Прочный» похожие, от «Ярроу Старшипс», но этот меньше примерно в три раза.

После продолжительных прений с помощью Петра Васильевича снаряжение и комплектацию дрона закончили минут за семьдесят. После чего «Тюлень» разогнался и начал отходить, сбросив автономник на половине его радиуса действия. Когда автомат подобрался к нужному астероиду, корпус подпространственника замерцал, смазался и бесследно исчез. Какое-то время взбаламученный вакуум бурлил и пенился в этом месте, но вскоре даже ряби на поверхности не осталось. Впрочем, многие ли способны разглядеть турбулентность в вакууме?

– Командир, а что там в физике пишут, какого хрена в подпространстве время тянется медленнее, чем в обыч-

ном? – Шелихов уже восемь раз проверил герметичность пу-столазного бронескафандра и в пятый раз гнал тест систем жизнеобеспечения.

Ответил Хренов, небрежно ковыряя в ухе отвёрткой с датчиком гамма-излучения в рукоятке:

– Это, Миша, чтобы ты на дело выходил спокойным и уверенным в себе, а не нервным и дёрганым кандидатом на торжественные похороны. Не волнуйся, Миш, если эта хрень опанёт, когда «Тюлень» в обычное пространство вылезет, мы с тобой об этом не узнаем.

– Эт почему, дядя Петя?

– Дык, не успеем, Мишаня.

Михаил глубоко задумался о странной природе времени, и руки у него трястись перестали. Он даже не заметил, что Лобачевский запустил механизм фазового перехода, и серая муть на обзорных экранах сменилась чернотой обычного космоса.

Развернувшийся перед лицом Плетнёва экран покрылся рябью сообщений. Весёленькие светло-зелёные строчки, подчиняясь движениям пальцев Семёна, сортировались, увеличивались или уменьшались, сбрасывались во внутренние слои или всплывали в первый.

– Ну, – не выдержал Мишка.

– Раком нагну, – буркнул сапёр. – Не мешай, салага.

В рубке снова сгустилась тишина. Наконец Плетнёв свернул экран в узкую полосу и звонко щёлкнул пальцами.

– В общем так, капитан. Аппарат самопальный, собирался прямо здесь, можно сказать, на коленке. Так что устройство самое примитивное, реактор от какой-то вспомогательной системы, сенсорный комплекс и передатчик. Всё, кроме батарейки, в спящем режиме. Получит запрос, активируется, соберёт информацию о кораблях в системе, за половину тика сбросит пакет информации и снова отрубится. Самое дорогое в начинке – реактор. Остальной фарш тоже не копейки стоит, но батарейка на порядок мощнее, чем надо. Гадом буду, не купленный агрегат. И вся эта хрень здесь появилась позже, чем наш караван.

– Контрабанда? – вслух подумал Аркадий.

– Здесь? Кто потребитель, простейшие на Таити? – криво ухмыльнулся Хренов.

– Здесь тайник, а кто-то из наших может подбирать... – Глаза у Мишки горят, ему хочется шарить в астероидах, искать закладку.

– Успокойся, Миша, не летает сюда никто. К этим обломкам ещё даже местные очкарики не совались, я выясняла. – Туманская сцепила тонкие пальцы в замок, вывернула кисти и хрустнула суставами. – Скорее всего, кто-то обнаружил в астероидах приличный ресурс и тайком лазает на разработку. Что-то настолько ценное, что окупает рейс даже в небольших количествах.

– Почему в небольших?

– Потому что большой корабль канонерка засечёт навер-

няка. А вот маленький... Может быть, такой же, как наш.

– На переходе всё равно засекут, нас же засекли, – Плетнёв не спорит, он просто помогает разрабатывать версию.

Туманская отрицательно качает головой:

– Мы прыгнули прямо в систему, нас ждали, идентификатор Аркадий не выключал. А может, ещё и какой-то способ укрыться есть.

– Есть, как не быть, – ветеран подлёта Хренов сделал эффектную паузу. – Когда корабль с большей массой покоя уходит в прыжок или финиширует, под наведённым шумом можно проскользнуть незамеченным и мимо активного патруля. А дежурной канлодке сканеры запылить – как два пальца об асфальт. Похоже, маячок как раз для этого и нужен – предупредить хозяев о моменте смены станционера.

– Михалыч, паркуй дрона на место, – вздохнул Лобачевский. – Пойдём «Стражу» о находке докладывать.

– Может, всё-таки себе заберём? – Мишка в ситуацию, похоже, не въехал.

– Дурной у твоего папы сын, – констатировал Хренов. – С военморами желаешь навсегда отношения испортить? Нет? То-то.

– «Тюлень» вызывает «Страж», срочное сообщение, код оранжевый.

Щелчок по клавиатуре, и пакет информации уходит на канонерку.

Ответный пакет приходит через десять стандартных ми-

нут:

– Высылаю катер. Прошу репером обозначить место находки. Благодарю за помощь. – (Кодированная цифровая подпись командира канлодки.)

– Мавр сделал дело? Мавр, пошёл нафиг, – грустно констатировал Плетнёв и приступил к процессу проникновения в пустолазное снаряжение. Обслуживание дронов возможно только на палубе. Внутри «Тюленя» для этого тупо нет места.

На общем собрании экипажа единогласно, шестью головами из шести, было принято решение – облазить за рейс как можно больше объектов, не отвлекаясь на сбор и складирование ресурсов. По результатам сделать вывод – а стоит ли здешняя овчинка межзвёздных прыжков в обе стороны. В результате сутки оказались до обидного похожи друг на друга, отличаясь координатами исследованных массивов и записями о находках в журнале. Бокситы, железная руда всех видов, медь в разных сочетаниях. Посчастливилось наткнуться на вполне симпатичное полиметаллическое образование, да ещё с высоким содержанием серебра. Впрочем, на суточном режиме экипажа ценность находок практически не сказывалась. В повседневной рутине бытия лишь несколько отдушин, позволяющих скрасить однообразие поиска. Это сон, завтрак, обед и ужин.

По причине скудости внутреннего объёма собственного биологического комплекса на «Тюлене» нет. Кухонный автомат вынужден работать с тем, что загружено в его резер-

вуары перед полётом. Впрочем, по боевому расписанию экипаж подпространственника состоял из пятнадцати человек, шестерым запаса пищи и кислорода хватит суток на шестьдесят, и ещё аварийный запас останется.

К удивлению Туманской, основным оператором пищеблока оказалась не она, а Хренов. Васильевич засел на камбузе с первого вылета.

– По привычке, – пояснил он. – Я этим автоматом десять лет командовал и ещё год-другой пошаманю.

И ведь не соврал, наверняка без колдовства не обошлось. Из полезной, но довольно однообразной бурды, которой заряжались пищеблоки новороссийских кораблей, сделать не просто съедобную, но ещё и приятную на вкус еду, не имея сверхъестественных способностей? Нереально. А у Васильевича получалось.

Под лязг кухонных приборов, жужжание и потрескивание дозаторов, смесителей, формователей и что ещё есть у них там, звучит приятный баритон главного энергетика и механика корабля.

– Было это в школе средних технических специалистов. К концу первого года галактической кадры для военного флота начали собирать со всей империи – до ускоренных выпусков первого набора ещё надо было дотянуть, а кадровый голод начинал проявляться. Брели тогда всех желающих, у кого гражданская специальность позволяла, вкатывали курс гипнообучения, месяц практики, и отправляли служить на вся-

кую мелочь – заградители, тральщики, военные транспорты и малые сторожевые суда. Наш «Тюлень» тогда встал на модернизацию прицельно-навигационного комплекса, и Китицын откомандировал меня в эту контору в качестве инструктора.

Из недр агрегата начинают появляться тарелки, наполненные приятными глазу и радующими обоняние блюдами. Руки ветерана дополняют их соусами и распределяют по столешнице, при этом Пётр Васильевич рассказа не прерывает.

– Как раз в этом наборе отчего-то было много парней из приграничного сектора. Разные попадались, но один выделялся особенно. Звали его Тарас, фамилию не помню, на «чук» заканчивалась. Очень Тарас любил говорить. Только правды, в её сухом и корявом виде, не переносил даже на понох. И ведь никакой выгоды от своего привирания не имел и не собирался иметь. Но не мог иначе – вроде как жил в сказке, которую сам и придумывал. Горилка у них в селе была крепче ста градусов, а волки в горах с корову ростом. Сало они солили прямо на свиньях и с живых резали – мастер был заливать. А больше всего любил он про свой героизм рассказывать. Слушали мы, слушали, и начало нам надоедать. Пилоты у нас фронтовые были, восстанавливались после ранений. В общем, посадили Тараса в спарке на переднее место и повезли кататься. Прогнал его Мишка Нестеров через комплекс высшего пилотажа, а при заходе на посадку ещё и приперчил. Глиссада посадочная над краем горного хребта

проходила, вот он впритирку к скалам и зашёл, а перед самыми вершинами опрокинул машину опорами к небу.

Васильевич вываливает в вазочку из хлебopечки пахучее содержимое, водружает на стол, садится на своё место и продолжает:

– Из кабины Тараса извлекали всем курсом, сам вылезти не смог. А когда пошёл, заметили, что ноги он как-то странно ставит. Кто-то из земляков не выдержал, спросил. Так тот Тарас повернулся к народу, стал, гордо подбоченясь, и заявил: «Так, обхезався. Тильки хто ще це дило до горы ногамы робыв?»

Посмеяться над очередной байкой успели, толком покушать – нет. Кают-компанию залил пульсирующий красный свет, и бортовой комп надтреснутым старушечьим голосом заявил:

– В системе обнаружен недружественный объект!

«Грозный», близнец недавно покинувшего систему «Стража», не отличался высокой скоростью хода. Зато обладал солидной для своей массы огневой мощью и соответствующей мощностью охладителей. Предупредительный выстрел пятнадцатисантиметрового лазера главного калибра прошёл в полукилометре от корпуса нарушителя. На предложение лечь в дрейф и обозначить принадлежность незваный гость ответил постановкой помех, отстрелом ловушек и маневром уклонения. Капитан надеялся продержаться пят-

надцать стандартных минут для накопления энергии и сбегать из системы.

Зря.

Черноту космоса всколыхнула тройная вспышка, все датчики забил «шум перехода». Отрезая нарушителю пути к бегству, вывалились в обычное пространство «Страж» и миноносцы «Жаркий» и «Прочный», с ходу выстраивая классическую «коробочку».

Так и не назвавшийся нарушитель, сжигая запас топлива для форсажных камер под двойной тягой с ускорением начал сближаться с одним из миноносцев. Несмотря на это, корабли имперского флота ещё не били на поражение – «Жаркий» сбросил звено дронов ближнего боя, с миноносцев зачастили импульсы семидесятипятимиллиметровок.

– Заградогонь, однако! – прицельный комплекс даёт Бэргэну хорошо рассмотреть подробности.

– А посудина бундесовской постройки, между прочим. Боши даже атмосферники умудряются угловатыми делать, а уж у пустотных кораблей такой вид, будто их топором из бревна тесали! – Хренов тоже следит за экранами, «Тюлень» лежит в дрейфе и не отвечивает. – Но это ничего не значит, остатки немецкого флота растащили союзнички, чтоб им ни дна, ни крыши. И частникам хватило.

Укрытый аэрозольными облаками нарушитель сбросил навстречу тройке подходящих дронов десяток своих и врезал по миноносцу лазером изрядного калибра.

– Сантиметров пятнадцать, не меньше! – со знанием дела оценил Темирдяев. – На поражение бил, но маленько промазал.

Танцы кончились. С канлодок ударили главным калибром, оба миноносца перешли на боевые алгоритмы движения, окутались облаками дыма химических ускорителей стартующих тяжёлых торпед. Силовые поля нарушителя начали проседать под частыми попаданиями. Дроны «Жаркого» не пережили столкновения с автоматами противника, слились, со счётом три-один.

– Может уйти, – с сожалением заметил Хренов. – Ещё минут пять...

В корму противника одновременно вошли три импульса с канлодок. Редчайший случай, но и так бывает. Пробивший защиту импульс зацепил что-то в системе ориентации, поражённый корабль закувыркался в пространстве, теряя шансы на успешный прыжок. Его дроны и автоматы ближней защиты перехватили три четверти выпущенных миноносцами торпед, оба оставшихся «Лазурита» рванули на щитах, окончательно сорвав закрывавшее корабль силовое поле. Импульсы скорострелок с подошедших на дистанцию пистолетного выстрела миноносцев начали гасить установки противодесантной обороны противника.

– Всё, взяли голубчика, – довольно заметил Хренов.

– Если реактор не подорвёт, – Елена, висящая в коконе оператора установок кинжального огня, особым оптимиз-

мом не отличалась.

– Не должны. Это не самураи, чтоб до последнего драться.

– Васильевич, приготовьтесь подать энергию на экраны, у нас гости, – шёпотом, чтобы не спугнуть, произнёс Аркадий.

– Кто? – тоже шёпотом спросил Бэргэн. – Не вижу!

– Семь часов тридцать две минуты, сорок две пятьдесят, дальше сто восемьдесят два. Два реактора, средней и малой мощности, половинная нагрузка, идёт в подпространстве.

– Однако движки не фонят, ничего не вижу, – Темирдяев командиру верить-то верит, но сомнения высказывает.

– По инерции идёт. Просто падает на звезду. Молодец, хорошо шифруется. Ас, но осторожный. Сейчас канонеркам не до него, миноносцам тем более, мог и активнее идти, а он бережётся. Когда наша куча его прикроет, отработает гравями, уравниет скорости, вынырнет и пойдёт к цели, на маневровых. Командир, ты записывай, потом учиться будем. – Хренов искренне восхищён действиями неизвестного коллеги.

– Записывать нечего, Васильевич, приборы его не видят.

– На бумажку записывай, буквами, дитя новейших технологий!

В это время дроны с кандлодок и «Прочного» добились последние оставшиеся автоматы неопознанного рейдера, и к кувыркающемуся кораблю на полном ходу устремились десантные катера. К тому времени, когда крадущийся подпространственник оказался в зоне возможного маневрирования и обнаружил себя несколькими импульсами гравитационных

движителей, абордаж его напарника практически завершился – сцепившимся с противником катерам удалось погасить вращение, и к нейтрализованному кораблю нарушителей начали швартоваться миноносцы.

– Васильевич, а ведь он в точности по твоему плану работает, – Бэргэн наконец засёк противника приборами объективного контроля, и ему сразу полегчало.

– Там ветераны сидят, мальчики и девочки, и не факт, что это корыто демилитаризовано! Может, больших мальчиков наведём? – Хренов сосредоточен и спокоен, но считает своим долгом предупредить остальных.

– Поздно, батенька, – Елена без особой нужды проверяет боеспособность установок ближнего действия. – Пока канонерки подойдут, твои асы нас уже кончат.

– Ловим момент и бьём, пока не опомнятся. Мы их видим, они нас – нет. – Голос у Аркадия сорвался, «дал петуха», но никто из экипажа не обратил на это внимания.

Чужой вынырнул из подпространства в расчётной точке, его скорость практически совпала со скоростью астероидного массива. Капитан противника короткими включениями импульсных движков начал аккуратно разгонять корабль, одновременно сближаясь с потоком каменных глыб.

– Его цель в голове скопления, к бабке не ходи, – Плетнёв в боевом скафе тяжёлого пехотинца не помещается ни в одно кресло на «Тюлене», но это ему и не нужно. Абордажники в наружном отсеке обнимаются с дронами, готовясь к броску

на чужую обшивку.

– Елена Викторовна, мы голову потока ещё плотно не изучали. Есть там серьёзные пустоты рядом с большими обломками?

– Есть. – На экране развернулась трёхмерная схема, показывая расположение самых крупных астероидов, и Аркадий лихорадочно погнался курсор от одного к другому.

– Нет, нет, этот тоже не подходит... Ага! – И юный командир без предупреждения послал «Тюлень» в подпространство.

– Что ты делаешь, сопляк? – не выдержал Хренов, но сделать ничего уже не мог.

– Мы должны его ждать в точке выхода. Бэргэн, приготовить якоря и по выходе сцепиться с астероидом прямо по курсу. Хренову – приготовить гравитационные захваты. Елена, не дай чужому стрелять, ясно?

Старый пустолаз грязно выругался, и в этот момент «Тюлень» вынырнул из подпространства впритирку к многокилометровой скале. Боком.

– Якоря! – срываясь на дискант, орёт Аркадий.

– Есть якоря!

И в этот момент совсем рядом, в паре сотен метров, появляется тёмный корпус противника.

– Елена, огонь! – это уже фальцетом.

Турельные лазеры и трёхлинейные рейлганы заливаются в истерике, снося с корпуса чужого корабля все выступы и

выворачивая люки.

– Захват! – продолжает орать Аркадий, разворачивая «Тюленя» в наиболее выгодную позицию.

В это время в борту опомнившегося противника распахиваются ворота шлюза, но взывают МГД-генераторы на установках Бэргэна и внутрь влетает очередь болванок из обеднённого урана. Вспышка, из люка вырывается пламя...

– Бэргэн! – Хренов уже активировал захваты, сцепляя корабли между собой.

– Я тридцать лет Бэргэн! – И снаряды главного калибра с хирургической точностью вспарывают обшивку вражеского корабля в районе охладителей.

– Десант пошёл!

На таком расстоянии дроны десантникам не нужны, хватает импульсных ранцевых движков. Опытный Плетнёв ведёт пару к развороченному внутренним взрывом ангару.

– Хренов, за старшего, Елена, следи за его вооружением! Бэргэн, надеваешь скаф и за мной! – Лобачевский, защёлкивая на ходу фиксаторы шлема, бежит к шлюзовой камере.

Убедившись, что командир и комендор благополучно добрались до вражеского корпуса, Пётр Васильевич включает приватный канал связи.

– Малолетний засранец, но ведь гений, мать его яти! Елена, если вернёмся, затрахай его до полусмерти, щенок это заслужил!

– Старый пердун, если сглазишь, я тебя грифом от штанги

трахну! – Короткой очередью спаренных гауссовок Туманская перфорировует выдвинувшуюся из корпуса врага противоабордажную турель. – Вот еще, учитель нашёлся!

Обгоревшая поверхность вражеского корабля толкает в ступни. Приводы внешнего скелета принимают на себя нагрузку от столкновения, оберегая доставшийся от родителей, но сильно ослабленный природный. Подошвы «Гекко» прилипают к расчерченной на шестиугольники плитке, верная прога слегка подсвечивает на экране шлема наиболее доступные для проникновения места. Вокруг в принципе без приборов ни черта не разглядеть, темно, как у негра в... хижине. Так что спасибо инженерам и программистам за наше счастливое... Что-то меня несёт. Несёт меня лиса...

Спокойно, Аркадий, не истери. Парни круты, и чёрта с два у противника найдётся что-то, способное остановить ветерана императорской тяжёлой пехоты в штурмовой броне, но подпространственник не крейсер, там тесно. Могучим, но весьма габаритным десантам надо помочь.

Люки, шахты... не то. Вот, вскрытые снарядами охладители, это годится, в этом месте нас ждать не должны. Рукоять верного тесака мелко-мелко сотрясает руку. Внутренняя переборка не может удержать лезвие, способное строгать ломтями скалу. Из разреза врывается струя воздуха, толчок в грудь, потеря равновесия... Сквозь недорезанную стенку бьёт плазменный разряд. Мать, впритирку прошёл, повезло с

воздухом. Взмах руки из-за плеча, это Бэргэн, догнал. Кинул в отверстие «Ежа». А вот нехрен потому что. Отодвинуться в сторону, двумя ударами дорезать переборку.

Остатки воздуха выносят вырезанный фрагмент в пустоту. «Вспышку» туда и ещё одного «Ежа». Прыжок внутрь, головой и руками вперёд, в полёте толкнуться от подвернувшегося трубопровода, сломать траекторию и рывком убраться за шкаф с какой-то аппаратурой. На полу отсека дикое месиво из человеческого тела. Страшнее, чем «Предчувствие гражданской войны в Испании». Пара «Ежей» так перекрутили единственного защитника, что целых крупных костей внутри скафа наверняка нет, тем более скаф технический, без брони. Не ждали, суки, не успели экипироваться. Встать в угол, взять на прицел люки в переборках. Хорошо, что наганов у меня два.

Что делает этот сумасшедший якут? А, молодец, он поймал вылетевший фрагмент и теперь латает сделанную мной пробоину. А воздух в отсек проходит, уже слышно шипение пломбиратора, заливающего пеной дыры в переборке.

Из раздробленного силовыми шнурами «Ежей» шлема слышны команды на немецком. Похоже, там сейчас не до нас, командир конкретно истерит. На нашей волне сплошной мат, но спокойный, даже весёлый.

Темирдяев давит из баллона тонкий шнур взрывчатки. Один овал, второй, впечатывает в массу детонаторы. Расходимся в стороны.

– Хоп!

Стекло шлема на мгновение чернеет, отсекая вспышки. Сам взрыв в разреженной атмосфере почти неощутим.

– Играю!

Бэргэн швыряет в отсек «Вспышку», я прыгаю внутрь вместе с ней. Удар в правое плечо, в левое колено, потом очередь уходит в сторону. Не пробили. Экран шлема светлеет. Получи, сука!

Вольфрамовая стрелка из нагана – не свинцовые шарики «Эрмы», за вражеским силуэтом на переборку плеснуло. Темирдяев, не входя в помещение, жжёт прыгнувшего мне за спину урода разрядом «Горыныча».

Перекошенное лицо за стеклом шлема, ненавидящий взгляд... Роба смутно знакома. Бред, этого не может быть. Тесак отрубает немцу правую руку. Хлынувшую из обрубка кровь сразу пережимает система жизнеобеспечения, пенится герметик. Отбиваю наганом в сторону левую клешню врага и всаживаю тесак в живот, рассекая кишки и печень. Всё, не жилец.

Прыгаю дальше по коридору. Крик Бэргэна в наушниках, что-то большое и тёмное летит в лицо...

– Осторожнее, бегемот, боком давай! – Елена в ярости. – Васильич, помоги! Аккуратнее, мать вашу за ногу на четыре звезды, аккуратнее!

– Не рычи, не дома. Не сдох ещё, значит, будет жить. Не

хрен было варезжку разевать. Великий воин, бл... гантели головой ломает. Придурок!

– Осторожнее, сказала! – Туманская ловко и сноровисто выковыривает тело Лобачевского из боевого скафа, упаковывает в капсулу медблока. Почти не глядя лепит к бледной коже присоски датчиков диагноста, опускает крышку и активирует систему.

– Пленные есть? – поворачивается Хренов к Плетнёву. Гора брони в ответ брезгливо делает характерный жест кистью руки.

– Ну вы мясники, бл...

– Да торопились... – Штурмовик, качнув шлемом в сторону медблока, поясняет причину.

Хренов разводит руками – понимаю, мол, так спросил, на всякий случай.

– Семён, ты тут присмотри, я глянуть хочу, кому это мы сдуру вломили...

– Да иди, иди. Любуйся. – Семён отстёгивает правую перчатку и начинает избавляться от шлема. – Мы там даже и не испортили ничего. Почти.

Азарт стремительной, не оставляющей времени на размышление схватки сменяется апатией – слишком много потрачено энергии. Люди двигаются, как сонные мухи, на голых рефлексах выполняя самые необходимые действия.

Штурмовики медленно избавляются от тяжёлого снаря-

жения, так же медленно укладывают его детали на места хранения, подсоединяют к системам подзарядки.

Бэргэн и Елена, не снимая лёгких скафандров, проверяют состояние оружейных и прицельных комплексов, после чего якут, тихонько напевая под нос, принимается муштровать робота-уборщика, утилизирующего остатки несъеденного завтрака. Елена садится у медблока, бессмысленно уставившись на мигание индикаторных огней.

Агрегат звенит сигналом и сплёвывает на палубу реанимационную капсулу через тридцать одну минуту сорок семь секунд после включения. Аркадий выбирается из лечилки, внимательно осматривает голое своё тело, чешет справа под мышкой...

– Похоже, мы всё-таки победили... – вслух удивляется он.

Елена медленно встаёт и отвешивает ему сочную затрепину, после чего обнимает и страстно целует в губы.

– Козёл малолетний, – оторвавшись, шепчет женщина и снова впивается своими губами в губы Лобачевского.

Семён и Мишка, вдоволь налюбовавшись зрелищем, аккуратно отделяют геолога от капитана, помогают Аркадию добраться до каюты и одеться.

К тому времени, когда экипаж снова собирается в кают-компанию, раздаётся короткое шипение шлюза, пропускающего во внутренний объём корабельного инженера.

Хренов необычно строг и подтянут. Сняв шлем, берёт его на сгиб левой руки, церемониальным шагом подходит

к Аркадию, кладёт перед ним массивный, сверкающий белой эмалью орден и отдаёт честь. Выдыхает, расслабляется и долго, с наслаждением матерится.

– Вы понимаете, что мы сделали, а? Команда калек и моральных уродов, с сосунком в командирском кресле?

– Васильевич, не дури, в чём дело? – Плетнёву не хочется числиться ни калекой, ни моральным уродом. – Не тяни, старый хрен, выкладывай.

– Это... – пустотник кивает в сторону борта, – «У-157», понятно? А, что с вас, кочколазов, возьмёшь! Мы завалили Валентинера! Того самого!

– Васильевич, не может быть... То-то мне рожа показалась знакомой... – Лобачевский ошарашенно разглядывает трофейный орден, рыцарский крест с мечами.

Ветеран довольно щерится и кивает утвердительно:

– Мальчик, ты своим антикварным тесаком выпустил кишки капитану цур зее Максу Валентинеру. Тому самому, за уничтожение или поимку которого наши сраные союзнички два года назад обещали пять миллионов спейларов. И ещё – сегодня я назвал тебя малышом последний раз, господин мичман.

Торжественный момент портит Мишка: сгребает со стола орден, вертит его, разглядывая со всех сторон, только что не нюхает.

– Чё, правда, что ли? – Пробует на зуб, кривится недовольно: – Тьфу, не золото ни фига!

Первой начинает смеяться Туманская, за ней Темирдяев. Через пару секунд хохочут все, хлопая друг друга по плечам, сгибаясь от смеха, сползая со стульев, и не могут остановиться. Веселье прерывает, да и то не сразу, требовательное пиликанье комма.

– «Тюлень» слушает, капитан на связи, – отзывается Аркадий, одной рукой продолжая вытирать выступившие слёзы.

– Канлодка «Грозный», старший лейтенант Вирен. Нарушитель нейтрализован. Что у вас случилось?

Аркадий улыбается.

– Имел место скоротечный огневой контакт с кораблём-нарушителем. Нарушитель опознан как дальний подпространственник германской постройки класса У, тип 13. После огневого контакта противник захвачен десантной партией из членов нашего экипажа. В команде противника выживших нет. По предварительным данным подпространственником «У-157» командовал капитан цур зее Валентинер. Захваченный корабль имеет повреждения обшивки и ряда систем, самостоятельно выйти из скопления астероидов не может. Потерь и повреждений не имею.

Наблюдать, как изменяется во время короткого доклада лицо старшего лейтенанта Вирена, приятно.

– Мичман на излечении Лобачевский доклад окончил.

Командир канонерки на несколько мгновений зависает. Осознав услышанное, оживляется и транслирует очередное

предложение:

– Предлагаю «Тюленю» выйти из скопления и принять помощь экипажа моего корабля.

– Благодарю, всю необходимую помощь нам уже оказал экипаж «Стража», – мило улыбается своему старшему собеседнику Лобачевский.

– Вот-вот, – ворчит за плечом неслышный Вирену Темирдяев. – Осиротевшее барахлишко мы и без вашей помощи усыновим.

Процесс присвоения собственности поверженных врагов называется сбор трофеев, и его крайне желательно не путать с мародёрством, так сказать, во избежание. Мало ли, вот так ляпнете, не подумав, и ваше собственное имущество перейдёт в трофейный разряд.

Экипажу «Тюленя» процедура трофеизации нажитого непосильным трудом знакома хорошо, в тонкостях и далеко не понаслышке. Командир, правда, подкачал, но опытным приватизаторам и подсказать ведь не грех, правда?

Пока Посохов и Мишка тщательно, не упуская ни одного закутка, зачищали отсек за отсеком, Аркадий, Елена и Хренов уговаривали корабельный раухер, склоняя его к сотрудничеству. Крутых хакеров среди них не было, но, к счастью, покойный Валентинер предпочитал биометрические параметры прочим способам кодирования. Путём ряда неаппетитных операций с телом покойного доступ к системам тро-

фейного корабля всё-таки удалось получить. После этого ремонтные системы «Хенрики» принялись латать те её части, которые можно было хоть как-то восстановить. В отсеках повис запах контактной сварки, силиконовых смазок и быстросхватывающихся смесей от «Хенкель».

Список кладовых с перечнем содержимого значительно упростил работу десантников, оценивших наконец преимущества немецкого орднунга – если в кладовой номер три при шлюзовом отсеке числилось четыре штурмовых скафандра, именно там они и находились. Да что скафандры – расходные материалы для автоматических уборщиков находились именно в том боксе, на который указывала опись. Всё-таки молодцы немцы – в этом плане.

Но, как известно, все сразу счастливы быть не могут. В экипаже «Тюленя» страдал Бэргэн.

Бедный комендор мог часами сидеть без движения в кабине оператора вооружений или запереться в торпедном отсеке и разговаривать с «рыбками» пятидесятисантиметрового калибра. Он поглаживал и охлопывал их мощные туши, тестировал системы наведения и постановщики помех... и хрен его знает, не отвечали ли ему торпеды взаимностью.

Якут понимал, что корабль придётся отдать флоту, причём в боеспособном состоянии. Затрофеить можно только расходники, но звено боевых дронов уже нашло новый приют, потеснив геологоразведочные и добывающие аппараты «Тюленя». Бэргэн спёр бы и пару пусковых установок для тя-

жѐлых ФАУ 23/12а7, и самих «рыбок», вместо родных, снятых с «Тюленя» при выводе из состава флота, но где их прятать? Увы, свой кораблик втрое меньше трофейного.

Снять пятнадцатисантиметровую гауссовку главного калибра, не сильно пострадавшую при атаке? Составить акт. «...разбита метким огнѐм, восстановлению не подлежит, утилизирована»? А где и с помощью какого оборудования её устанавливать и пристреливать? Муки Темирдяева были не хуже танталовых, но настоящими, не мифологическими. Реал суров.

Капитанская каюта на захваченном корабле тоже намного комфортнее, чем на «Тюлене». В ней даже персональный санузел имеется. И душ. Тесный, как смирительная рубашка, зато с наворотами.

Выбравшись из кабинки, Аркадий замирает, любуясь телом своей взрослой любовницы. Елена лежит на животе, и парень, будто впервые, разглядывает плавный изгиб спины, обманчивую хрупкость покатых плеч, немного тяжѐлые, но вызывающее страстное желание бѐдра рожавшей женщины, стройные ноги, ямочки по сторонам копчика...

Однако Елена не торопится отвечать на его ласки.

– Ты сегодня всё время о чём-то думаешь, – недовольно ворчит Лобачевский.

– Понимаешь, не могу понять, на кой чѐрт немец лез именно в это место. Понял, что попытку проникновения за-

секли, большой корабль поимели, но всё равно крался...

– Да что-то у них спрятано в этом астероиде, – Аркадий пожимает плечами. Привычка, собеседница так и не соизволила повернуться, и его не видит. – Скорее всего, небольшое, но ценное. Я его так и просчитал – большой астероид, с хорошей удобной «полянкой» в глубине астероидного массива. Скорее всего, там много чего есть, тащил же он с собой транспорт. Когда понял, что вывезти всё не дадут, попробовал под шумок забрать что-то ценное, но сравнительно небольшое – на подпространственнике много не увезёшь. Ценное для него, для нас это может оказаться бесполезно.

Лобачевский отвлекается на напрягшиеся ягодицы Елены. Женщина поворачивается и целует его.

– Я уже говорила, что ты умный?

– Да.

– Тогда я повторяюсь. Ты очень умный. И когда мы будем это искать?

– Когда с трофеями закончим.

Ноги женщины охватывают талию любовника.

– Начинай скорее...

Искать склад пиратствовавшего тевтона не пришлось. Пока Туманская вдохновляла командира на поиски, его обнаружил Темирдяев. Что характерно – не покидая трофейного корабля. На этот раз Бэргэн страдал от невозможности приватизировать трофейный орбитальный катер. Находясь, естественно, внутри этого катера. По старой привычке,

оставшейся в людях ещё со времён охотников и собирателей, без дела не сидел, машинально открывая любые закрытые крышки, лючки и заслонки. Компактный прибор в исходном виде был коммуникатором «Телефункен», но хранился необычно – в маленьком непробиваемом кейсе, что намекало. После того как включённый прибор потребовал предъявить права пользования, процедуры с телом покойного хозяина пришлось повторить. Получив согласие на сотрудничество, аппарат подключили к раухеру катера. Все, наблюдавшие результат лично, несколько охренели. После отправки кодированного сигнала длиной в несколько сотен символов минут десять ничего не происходило, потом в одной из глубоких каверн на боку астероида замигало красным. На пятом мигании цвет сменился на зелёный, после чего каверна осветилась полностью, а на пилотском экране катера высветились цветные метки привода посадочной системы.

– Твою ж... – не сдержал восхищения немецкой основательностью Мишка.

На дне каверны медленно, как занавес в театре, расходились створки шлюза, в который свободно мог войти хороший эсминец.

Аркадий, не отрывая глаз от открывшейся картины, нащупал джойстики и самым малым ходом повёл катер к шлюзу.

Опущенный на приёмную платформу катер казался мошкой на ладони великана, тем не менее диафрагма входа медленно сдвинула лепестки. А внутренний шлюз не открылся.

Система оповестила о выравнивании давления и предложила дальше топтать ногами, подсветив дорожку и входной люк, украшенный бубликом штурвала ручного запираания кремальеры.

– Опапанечки, молодые люди, – тяжело вздохнув, выбрался из катера Хренов. – Наличие тут искусственной гравитации меня не удивляет, но заставляет предполагать.

– Чего предполагать-то? – голос Мишки, транслируемый динамиками боевого скафа, приобрёл этакий унитазный оттенок.

– Что обычным тайничком, Миша, здесь не обойдётся.

Аркадий выбрался из катера, уже привычно стараясь не зацепиться за края люка выступами внешнего скелета. Ещё раз осмотрелся:

– Так, что тут у нас? За правой стеной, в глубине, приличных размеров реактор, холодный, между прочим. Питание комплекс получает от расположенного где-то внизу агрегата. Сложная система, использующая энергию ядерного распада. Геморройно по топливу, зато может долго находиться в режиме ожидания и быстро выходит на полную мощность. Похоже, тут целый город имеется.

Дождался, пока из катера выбралась Елена, и потопал по подсвеченной дорожке.

Приходилось ли вам видеть, как это – когда глаза разбегаются? А видеть людей, которые идут куда глаза глядят? При-

чём одновременно?

Вот и экипаж «Тюленя» не видел – некому было на них глядеть. А сами они были заняты.

Наверняка предусмотрительный немец начал готовить себе запасной аэродром задолго до окончания войны, комплекс в астероиде с любовью и немецкой основательностью строили не один год. А набивали награбленным добром ещё дольше. И то, и другое хозяйственные соотечественники Гёте и Шиллера не в белых перчатках делали – роботы стены в туннелях иероглифами не расписывают. Вряд ли «Холодный Макс» после завершения строительства отвёз пленных азиатов на родину, не та была особь. Валентинер если и слышал о гуманизме, наверняка считал его разновидностью тяжёлой болезни.

Впрочем, мелкие детали, вроде тех же иероглифов на стенке, обнаружались позже. Сразу за входным люком оказалось просторное помещение с указателями – жилой сектор, складской комплекс номер один, складской комплекс номер два, технический сектор. Между капитальными воротами, прикрывавшими склады, – выставка роботизированных погрузчиков и логистический терминал, наверняка выдранный с одного из коммерческих грузовозов.

Увидев надписи, Хренов сделал стойку, как хорошо натасканная легавая, повёл длинным хрящеватым носом, пошевелил усами и плавным, скольльзящим шагом старого пустотника двинулся к дверям, украшенным шестерёнкой поверх

символа радиационной опасности.

Прочие дружно ломанулись смотреть склады.

Покойник числился третьим по результативности пустотником пятого рейха. В его послужном списке числились сотни уничтоженных или захваченных кораблей и судов. Только в список этот, судя по всему, включались не все трофеи. Вырезанные в породе склады тянулись на десятки и сотни метров, заканчиваясь проходами, которые вели в очередные склады. Проблема была одна – нехватка свободного места. Натаскать тысячи тонн имущества, машин и механизмов, аккуратно и педантично собранных немецкими пиратами, на одном, пусть и очень большом подпространственнике, было невозможно. Загадка разрешилась через пару часов, когда обалдевшие от найденного изобилия победители пиратов вышли к очередному шлюзу. Ещё один грузовой терминал, шеренга погрузчиков и два объёмных лихтера, тонн на сто пятьдесят каждый, приспособленные к округлым бортам подпространственника.

– Понял, Мишка? – ни с того ни с сего заявила Туманская. – А ты говоришь – Морган, Морган. Это тебе не пиастры. И даже не дублоны.

Дама сплюнула на пол, после чего длинно и затейливо выругалась.

– Дык... – всё, что смог ответить ей Шелихов, забывший поднять лицевую пластину шлема.

Когда Хренов известил о наличии на базе автоматизиро-

ванного ремонтного дока, Аркадий только пожал плечами – эмоциональный пережор лишил способности удивляться и радоваться. Лобачевский просто завёл в док покоцанный трофей, на корпус которого тут же муравьями полезли ремонтные киберы.

На третий день после находки пиратской базы Аркадий оставил на ней большую часть экипажа и вдвоём с Хреновым отправился на «Тюлене» сначала к «Грозному», потом в столичную систему – сдаваться. Кусок оказался слишком жирным. Вооружение всех воевавших в галактической блоков, боеприпасы, продовольствие, машины и механизмы, медикаменты, ценное сырьё и горы ширпотреба – проще было перечислить то, чего не нашлось. Аркадий сутки не мог отойти от пары «раумфоккеров» восьмой модели. Созданные в ответ на российские системные истребители Григоровича, немецкие машины уступали им в автономности и мощи вооружения, но были маневреннее и самую чуточку быстрее. Плетнёв не вылезал со склада, отведённого под шагающие танки. Темирдяев... В общем, каждый нашёл себе склад мечты и основательно завис.

Жаба давила страшно, но людям Новороссии всё это было нужнее.

Через сутки «Тюлень» погасил скорость и начал спуск в атмосферу Кемптауна.

Глава 4

А мы тут плюшками балуемся...

На пристани играл духовой оркестр.

Да, в бухте Кемп-тауна уже построена пристань. И волноломы, и пирсы, и прочая лабуда, выглядящая внушительно, но без труда за месяц-другой сооружаемая одним-двумя роботизированными комплексами, был бы материал для отсыпки и наполнения. Этого добра хватало, надо же было вывозить куда-то вырезанную из горного массива породу! Так что акватория космопорта приобрела вполне цивилизованный вид, не хватало только отдельных стояночных бассейнов под тяжёлые и особо тяжёлые корабли.

У центрального пирса, с обоих его боков, по древней традиции увешанные флагами, застыли обтекаемые корпуса подпространственников. Небольшой пузатый «Тюлень», «украшенный» уродливыми утолщениями палубных грузовых отсеков с одной стороны, хищно-красивый, изящный корпус трофейного корабля – с другой. Флот принимал в боевой состав новую единицу.

Господин местоблюститель, по совместительству командующий флотом, произнес на церемонии проникновенную, вдохновенную и, что немаловажно, короткую речь. Помянул героические свершения предков, слегка погоревал об уте-

рянной в бестолковщине гражданской войны воздушно-космической мощи, порадовался зубастости подрастающей смены и выразил уверенность, что при наличии такой смены восстановить утраченное будет несложно.

Все дружно кричали «ура!», причастные к процессу пустотники прикидывали цепочку карьерных перемещений, гражданские радовались халявному развлечению. Вновь назначенный капитан трофея подал госпоже адмиральше привязанную верёвкой бутылку шампанского. Женщина, осознавая важность момента, гордо произнесла:

– Нарекаю тебя «Касаткой», – после чего решительно размахнулась и обрушила стеклянный сосуд на металлокерамику корабельного корпуса. Под звон стекла и громкое ликование зрителей по носовой части «Касатки» растеклась шипучая субстанция, которой ушлые парни, готовившие церемонию, заменили изготовленное французскими виноделами пойло. Капитан проорал команду, экипаж встал по стойке смирно и красиво дёрнул головами. Под музыку древнего государственного гимна на смонтированном перед церемонией флагштоке развернулся и пополз вверх белый флаг с синим крестом.

– Церемонии, – тихонько пробормотал Лобачевский, но тем не менее сильнее сжал пальцы поднесённой к козырьку фуражки ладони. Как и прочие присутствовавшие, он почувствовал подъём духа.

Экипаж «Тюленя» короткой шеренгой стоял на покато

палубе своего судна, но выглядел не столь выигранно, как команды боевых кораблей, затянутых в чёрно-белые мундиры. Все, кроме капитана и инженера в армейской форме. На Елене – китель цвета хаки, узкая того же цвета юбка до колен, коричневые лакированные туфельки на высокой шпильке и мятая фуражка без пружины – фирменный знак родного полка. Десантники стояли в чёрной с белыми кантами парадной форме своих частей, а Васильевич, в пику списавшему его когда-то с флота командующему, вырядился в найденную среди трофеев форму британского пилота без головного убора и знаков различия.

– Удобная, – пояснил он товарищам свой выбор, – карманов много.

А Бэргэн на церемонию не пошёл.

– Не люблю, – пояснил якут. – Воспоминания плохие.

Награды отличившимся в боях Кедров вручал без лишних свидетелей – присутствовали сами отличившиеся и несколько офицеров штаба. Аркадий получил новые погоны, ничего в сущности не менявшие в его положении, и орден Ушакова с мечами и бантом. Плюс нашивку за ранение в боевой обстановке. Экипаж тоже украсился орденами и медалями. В отличие от офицеров и матросов флота, люди Лобачевского главную награду получили заранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.